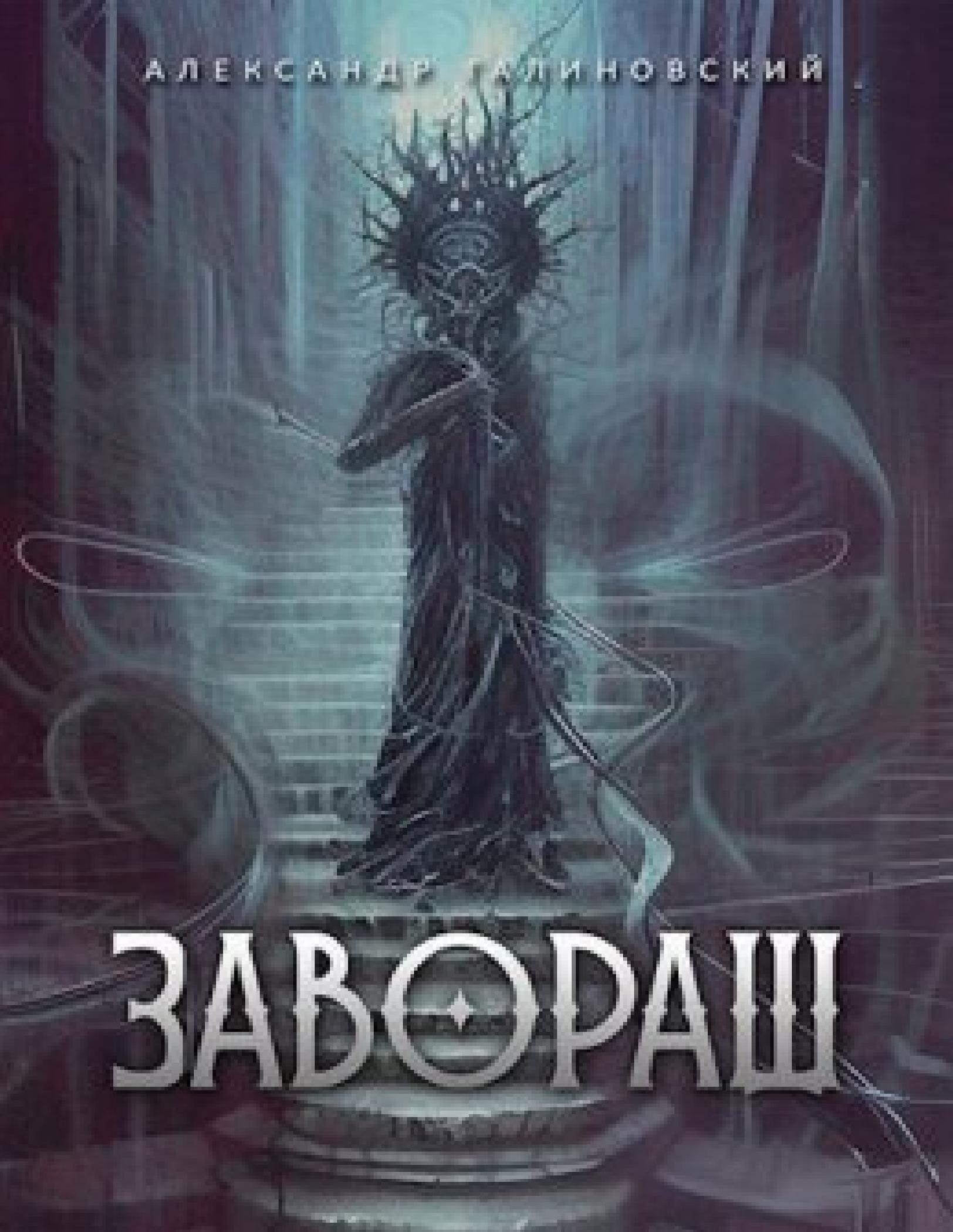

АЛЕКСАНДР ГАЛИНОВСКИЙ

ЗАВОРАШ

Annotation

Добро пожаловать в Завораш – город, где плетётся паутина заговоров. Жестокие убийства здесь не редкость, а на улицах правит Белый тлен – новая чума, от которой гибнут сотни горожан. В этом городе пересекаются судьбы нескольких героев: практика на службе у некромантов, священника, наёмного убийцы, бездомного наркомана и маньяка – хирургически модифицированного бывшего солдата, испытывающего тягу к убийствам. В безумном мире каждый из героев вынужден бороться со своими внутренними демонами. В сборник вошли рассказы, ранее опубликованные в книге «Похититель всего».

Завораш

Александр Галиновский

Если бы Мельпомену довелось видеть настоящую цаплю, он знал бы, что выглядит если не в точности, то очень похоже. В очередной раз подняв ногу, он опустил конец длинной ходули в тёмную жижу, которая с хлюпаньем сомкнулась вокруг деревяшки.

С собой у него была фляга для сбора сока из тростника, который рос здесь повсюду, а также небольшой нож. С помощью ножа он рассекал стебель растения, после чего подносил к срезу горлышко фляги и дожидался, когда потечёт сок. К рассвету Мельпомен рассчитывал насобирать достаточно, чтобы заполнить флягу хотя бы до половины. Однако дело продвигалось медленно – главным образом потому, что водоросли в этой части болота были слишком густыми, поэтому время от времени ему приходилось останавливаться и высвобождать ходули из их цепкого плена. В один из таких моментов он поднял голову и увидел нечто странное.

До этого его глаза различали лишь поднимающиеся из воды стволы мешкодрев. Это были растения, похожие на огромные шары; питаясь болотным газом, они постепенно раздувались, пока не лопались с оглушительным треском, разбрасывая вокруг сотни спор. Одна половина такого дерева, состоящая из неукоренившихся отростков – жгутиков, находилась под водой. Иногда жгутики двигались, и на поверхности воды появлялась рябь, которую можно было принять за лёгкую поступь призраков.

Миражи на болотах были обычным делом. День и ночь от воды поднимался туман, в котором порой мерещились странные вещи. Мельпомен часто слышал доносящиеся со стороны топей голоса, хотя знал, что никому не удалось бы зайти так далеко. А однажды даже видел проплывающую мимо лодку и попытался заговорить с сидевшим в ней человеком. Однако стоило ему окликнуть того – как лодка и её загадочный пассажир неожиданно исчезли.

Порой на болотах встречались отмели и даже целые островки, многие из которых исчезали так же внезапно, как появлялись. Наверняка это было как-то связано с тем, что время от времени земля рокотала и содрогалась. В такие дни ветер приносил запахи моря и шум волн, а вода в болоте становилась на ладонь или две выше, или наоборот, отступала, оставляя грязь и копошащихся в ней рачков. Иногда на поверхности оказывались монеты и другие ценные вещи: брать их казалось Мельпомену неправильным – всё равно, что воровать у мёртвых.

Однажды он обнаружил целый скелет. Там, где кости не были покрыты грязью, они выглядели пожелтевшими и изъеденными влагой. Это был скелет рыбы – такой огромной, что в болоте не нашлось бы ей места. Падальщики постарались на славу, дочиста обглодав кости. Нетронутой осталась лишь голова – туго обтянутая кожей клиновидная морда с двумя рядами зубов и без малейшего намёка на глаза.

Ходули в очередной раз запустились в водорослях, и Мельпомен потратил несколько драгоценных минут, высвобождаясь из зелёного плена. Освободившись, наконец, он поднял голову, готовый идти дальше, но в этот момент увидел впереди нечто странное.

Он не удивился бы, окажись и теперешняя находка чьими-нибудь костями.

Однако это было нечто совсем иное. То, что поначалу выглядело как фигура человека с раскинутыми в стороны руками, оказалось массой наплывающих друг на друга ломаных линий. Они пересекались под всевозможными углами, будто прутья небрежно сплетённой

корзинки.

Держа наготове нож, Мельпомен двинулся вперёд.

Он преодолел половину пути, прежде чем топи стали действительно непроходимыми. Под водой скользили тела неведомых тварей, и он ощущал, как их слепые морды тычутся в концы ходулей. В какой-то момент ему показалось, будто в темной жиже ворочается и перекачивается нечто большое.

Мельпомен остановился и прислушался. *Ни звука.*

И в следующее мгновение некая тень ринулась к нему из тумана. Он едва успел уклониться от острых когтей, нацеленных в лицо. Взмахнул ножом, но промахнулся; в ответ откуда-то сверху раздался полный негодования и злобы крик...

Молох – так называли этих тварей. Почти все они были падальщиками, охотниками за мёртвой плотью, но это вовсе не значило, что крайняя нужда не способна заставить самых отчаянных из них напасть на живого человека.

Мельпомен выставил нож перед собой, и только это спасло ему жизнь. Тварь рухнула, напорвшись на всю длину клинка. Зубы клацнули у самого лица Мельпомена, крылья захлопали его по спине, однако он держал крепко, обхватив извивающееся тело свободной рукой.

Задние ноги падальщика были короткими, сильными и заканчивались пальцами с острыми когтями, способными одинаково легко раздирать плоть и крошить кости. Сейчас они замелькали в опасной близости от груди Мельпомена. Один зацепился за ткань и разодрал её, другой оставил на коже кровоточащую рану. Похожий на жгут розовый язык метнулся и ударил человека по лицу – раз, другой. Он почувствовал, как обожгло щеки, лоб и понял, что молох целил в глаза. Из пасти падальщика дохнуло гнилью. Затем язык твари внезапно захлестнул Мельпомену шею, лишая возможности дышать.

Ему и раньше приходилось охотиться на молохов и даже пробовать их мясо, которое было жёстким и на вкус напоминало болотную воду. Однако это было давно, до того, как в лодках приплыли люди, которые предложили его отцу и другим мужчинам в деревне стать сборщиками сока. Одну флягу они обменивали на недельный запас еды, выпивку, табак, тёплую одежду, иногда добавляя к этому пару точильных камней или связку свечей. Но главное – им с отцом больше не приходилось охотиться и делать запасы. Мельпомен не задумывался, что происходит с собранным соком после того, как загруженные флягами лодки растворяются в тумане, но в конце каждой недели терпеливо дожидался очереди, чтобы выменять полную флягу на ту, которую ещё предстояло наполнить.

Одним движением Мельпомен вырвал нож из покрытого шершавой кожей тела и отсёк твари язык. Молох забился в агонии, его крылья поднялись и опустились. Раз, другой – с каждым разом все медленней.

Мельпомен ударил ещё дважды – под левое крыло и туда, где как он считал, находилось сердце.

Постепенно движения твари замедлились, и Мельпомен разжал хватку. Истекая черным ихором, молох рухнул в воду. Мгновением позже его тело поглотила трясина.

Некоторое время Мельпомен наблюдал, как на поверхности воды всплывают и лопаются пузыри, а когда вновь посмотрел перед собой, увидел то, что не замечал вначале.

Когда он смотрел на *это* впервые, оно выглядело *иначе*. Теперь, подняв голову, Мельпомен обнаружил, что фигура изменила очертания. Линии пребывали в постоянном движении: сталкивались и расходились в стороны, искривлялись, растягивались или

наоборот, сжимались.

Бесформенный.

Именно это слово пришло Мельпомену на ум.

Бесформенный, но не как вода или болотная грязь. Первую можно перелить в кувшин, а из второй этот кувшин изготовить. У этого же *ничто* вообще не было формы, и одновременно с этим оно могло принимать любой облик. Как если бы кувшин был способен вылепить себя самостоятельно, а затем, будучи наполненным, *сам* стать водою.

Движение ускорялось. Фантомы возникали и распадались. В какой-то момент фигур было сразу две – новая начала формироваться ещё до того, как предыдущая успела исчезнуть.

Фляга с соком была забыта, как и нападение молоха, как и предшествующие этому события – вплоть до момента, когда он впервые открыл глаза, лёжа на циновке под звёздным небом, а рядом кто-то пел колыбельную.

Повинуясь внезапному порыву, Мельпомен шагнул в сплетение линий. Они пересекли его тело, пройдя насквозь. Как будто были нематериальными, как кольца дыма или луч света... Мгновение он не ощущал ничего, кроме жжения в тех местах, где линии коснулись тела. На его коже проступили красные рубцы. Мельпомен успел подумать, что их рисунок здорово похож на следы от рыбацкой сети.

А затем его тело просто распалось.

Рассыпалось, словно было сложено из детских кубиков.

Голова рухнула в воду и без единого звука погрузилась в пучину. Правая рука сползла вниз, словно плохо приклеенная деталь, левая упала вместе с частью туловища, которое оказалось рассечённым на несколько фрагментов. Одна из ходулей завалилась под тяжестью ноги, но другая устояла. На ней все ещё балансировала привязанная полосой грубой ткани ступня...

Вода вокруг стала багровой, затем красной, розовой, а спустя некоторое время вернула свой первоначальный цвет. Ни на мгновение не прекращая вращение, линии вновь собрались в подобие человеческой фигуры. На протяжении одного или двух ударов сердца фантом висел под поверхностью воды, а затем растворился без следа.

Я мечтал о смерти, и вот я умер. Я уже не ощущаю этого мира и ещё не коснулся другого. Я медленно скрываюсь под морскими волнами, совсем не чувствуя ужаса удушья. Мысли мои ни с тем миром, который я оставил, ни с тем, к которому я приближаюсь. На самом деле это нельзя сравнить с мыслями. И на сон это не похоже. Это, скорее, рассеяние, диаспора: распустили узел, и сущность рассасывается. Да это и не сущность больше. Я стал дымком от дорогой сигары и как дымок растворяюсь в прозрачном воздухе, а то, что осталось от сигары, рассыпается прахом.

Генри Миллер

«Тело человека содержит в себе кровь, слизь и желчь, жёлтую и черную; из них состоит природа тела, и через них оно и болеет, и бывает здоровым. Бывает оно здоровым наиболее тогда, когда эти части соблюдают соразмерность во взаимном смешении в отношении силы и количества и когда они наилучше перемешаны. Болеет же тело тогда, когда какой-либо из этих частей будет или меньше, или больше, или она отделится в теле и не будет смешана со всеми остальными, ибо, когда какая-либо из них отделится и будет

существовать сама по себе, то по необходимости не только то место, откуда она вышла, подвергается болезни, но также и то, куда она излилась, переполнившись, поражается болями и страданием. И если какая-нибудь из них вытекает из тела в количестве большем, чем требует переполнение, то опорожнение её причиняет боль. А если, напротив, произойдёт опорожнение, переход и отделение от прочих частей внутри тела, то, как выше сказано, она по необходимости возбуждает двойную болезнь – и в том месте, откуда вышла, и в том, где преизобилует».

Гиппократ «О природе человека»

Что войны, что чума? – конец им виден скорый,

Им приговор почти произнесён.

Но кто нас защитит от ужаса, который

Был бегом времени когда-то наречён?

Анна Ахматова

Смерть – похититель всего

ЧАСТЬ I

БАГРЯНЕЦ В НЕБЕ, БАГРЯНЕЦ НА ЗЕМЛЕ

А ведь она здорово похожа на глаз некого бога или демона, глядящего на мир сверху.

Луна высоко в небе была красной. Багровым отливали тучи, медленно стягивающиеся вокруг неё словно края разверстой раны; того же цвета были плескавшиеся о борт волны.

Плюх! Весло погрузилось в воду.

На минуту Энсадуму показалось, что сейчас оно поднимется, все красное, истекающее каплями крови словно кусок мяса, но, разумеется, этого не произошло. Красный цвет неба всего лишь предвещал перемены в погоде.

В детстве маленький Энса часто смотрел на небо. Тогда луна казалась ему как будто ближе. С помощью подаренного отцом телескопа он даже смог разглядеть тёмные пятна на ее поверхности; он представлял, что видит города, квадратики возделанных полей и проложенную между ними сеть дорог. Ещё некоторое время после того, как он узнал, что луна – это бесплодный камень, а телескоп стал ненужной игрушкой, он продолжал с тоской поглядывать вверх. Однако теперь Энсадум с удивлением обнаружил, что не делал этого уже много лет.

Попутно он разглядывал лицо лодочника. Плоский нос и почти полное отсутствие ушей выдавало в нем шивана, но разве их материк не горел непрерывно уже без малого сотню лет? Наверное, это был один из тех шиван, что селились здесь до Разрушения.

Энсадум позволил мыслям течь медленно, прикрыл глаза и постарался расслабиться. Почти сразу перед его мысленным взором возникло лицо куратора. На этот раз им оказался служащий довольно высокого ранга. Чиновник открыл рот, чтобы заговорить, но тут его глаза расширились: Энсадум прервал контакт. И все же за мгновение до этого разгневанный куратор успел послать ему картины из собственного сознания: бесформенные тени корчились и рыдали, объятые языками пламени.

Энсадум дёрнулся всем телом, открыл глаза и сел, не обращая внимания на испуганный взгляд лодочника. Ему всегда было непросто выносить вторжение этих существ в свой разум.

– Говорят, вы можете читать мысли, – осторожно спросил лодочник, – Сейчас вы читали мои, господин?

Интересно, о чем ты думал?

Однако Энсадум не стал отвечать. На самом деле даже кураторы не могли читать чужих мыслей, хотя они и были способны пробираться в другую голову так же легко, как любовник, проскальзывающий под одеяло. Энсадуму это всегда казалось странным: все равно что слепцу явится в библиотеку. Единственное, на что он способен – это ощупать корешки книг.

Спустя некоторое время впереди показались стоящие на приколе у берега тёмные громады барж. Похоже, ими давно не пользовались, и суда успели стать частью окружающего ландшафта. К запаху реки здесь примешивался железистый привкус ржавчины.

Лодочник сплюнул в воду и сильнее налёг на вёсла.

Прежде чем стемнело, Энсадум наблюдал за проплывающим мимо берегом, подмечая все новые детали: деревню, все дома в которой стояли над водой на длинных сваях; древний мост, теперь почти разрушенный, но по-прежнему удивлявший сложностью архитектуры. Он жалел, что у него нет времени ненадолго задержаться и зарисовать в блокнот что-либо

из увиденного. Блокнот, как и прочие вещи, необходимые в дороге, лежал в саквояже у его ног. Там же, в специальном отделении, хранились инструменты: стекло и сталь, иглы и колбы. Всякий раз, когда Энсадум касался потрёпанной кожи, они тихо звякали, будто украдкой напоминая о цели его путешествия.

За бортом плескались волны: протяни руку и коснёшься воды. Однако Энсадум не стал этого делать. Эта река, как и многие другие, подобные ей, была безжизненной. Теперь он вспомнил, что где-то читал, будто Разрушение началось именно отсюда. Заброшенные баржи, гниющие у берега не один десяток лет, были лишним тому подтверждением.

Он не впервые оказался в Пустошах, но, пожалуй, лишь теперь смог ощутить всю глубину тоски, окутавшей эту землю. Наверняка нечто подобное должен был испытывать и лодочник. Прежде чем превратиться в пылающую пустыню, родина шиван была цветущим краем.

Так что же случилось? Этого не знал никто.

Энсадум не мог вспомнить, когда в последний раз видел зелёную траву. Это же касалось и птиц в небе. Раньше, в ту пору, когда он не расставался с подозрительной трубой, он мог без остановки перечислять виды пернатых: сипуха, дятел, жаворонок, береговушка, скалистая ласточка и другие; теперь не мог вспомнить и одного-двух имён. И хотя в его блокноте сохранились рисунки большинства из них, он почти туда не заглядывал.

Баржи остались далеко позади. Над водой поползли клочья тумана, стало холодно. Лодочник плотнее запахнул ворот накидки; то же самое сделал Энсадум, спрятав подбородок в складки шарфа. Ещё некоторое время он продолжал вглядываться в темноту, гадая, что может скрывать эта пустынная земля. Какие тайны прячутся за завесой тумана? Или здесь уже не осталось тайн? Так и не найдя ответов, он задремал.

Он так и не смог как следует отдохнуть. За те несколько часов беспокойного сна, что ему удалось выкроить, Энсадум просыпался дважды, и оба раза – из-за пронизывающего холода, от которого не спасали ни накинутое на плечи одеяло, ни тёплая куртка под ним.

– Как называется эта земля?

Лодочник не ответил. Вместо этого он привалился к широкому камню у воды, достал из кармана плитку белой смолы, отломил кусочек и принялся разминать в пальцах.

Употребление кека было обычным делом среди городской бедноты. По рассказам, её добывали на юге, собирая сок тростника где-то глубоко в болотах. Затем его смешивали с паутиной местного жучка для придания вязкости, а полученную массу оставляли на открытом воздухе, пока она не затвердевала. Смола уже много лет находилась под запретом, однако от этого спрос на неё не становился меньше.

Некоторое время Энсадум разглядывал берег. Усеянная галькой прибрежная полоса переходила в песчаный откос. На его вершине росла пара чахлах кустиков, ветви которых трепетали под порывами ветра. Незадолго до рассвета пошёл снег, и теперь на земле тут и там лежали островки грязной кашицы.

До этой минуты Энсадум был уверен, что увидит нечто совсем иное: дорожку, ведущую по склону вниз к самой воде или деревянный пирс. Пока же все здесь мало отличалось от того, что попадалось ему на глаза прежде.

Но хуже всего была тишина. В городе он привык слышать десятки звуков – даже ночью или на рассвете: цокот копыт и грохот колёс по мостовой, крики разносчиков, скрип отворяемой где-то двери, отголоски пьяных песен, доносящиеся через улицу или две.

Здесь же не было других звуков кроме монотонного скрипа весел в уключинах и плеска волн. Словно в целом мире не осталось ничего, кроме тумана, реки и их лодки. Странное ощущение не покинуло Энсадума даже после того, как отыскав под слоем тряпок фонарь, шиван запалил его, а затем подвесил на специальный шток на носу лодки. Теперь за стеклом трепетал крохотный язычок пламени, которого едва хватило бы, чтобы согреть окоченевшие пальцы.

Чиркнула спичка и из полумрака выступила закутанная в мокрый плащ фигура. Энсадум готов был поклясться, что мгновением раньше на берегу никого не было.

Незнакомец сделал знак следовать за ним и, не говоря ни слова, принялся взбираться по склону.

Энсадум вернулся к лодке, чтобы взять саквояж. Мгновение размышлял, стоит ли захватить фонарь, однако рассудил, что тот будет только мешать. Промокшее одеяло тоже пришлось оставить.

Взобравшись на вершину склона, он огляделся. Рваные клочья тумана разметались низко, подобно знамёнам поверженной армии; лежавшие повсюду валуны и камни поменьше казались остатками пожара, а пепельно-серый цвет земли и неба только усиливал это впечатление. И по-прежнему: ни следа дорожки или жилища, хотя некоторые из лежавших неподалёку валунов размерами больше напоминали дом.

Огонёк фонаря был в двадцати шагах впереди и продолжал удаляться. Энсадуму не оставалось ничего, кроме как двинуться следом.

Они шли настолько долго, что ему начало казаться: вот-вот, и появятся цепи мира, которыми земная твердь крепится к своду небес.

Впереди и в самом деле проступили некие тени. Они росли и удлинялись, словно разлитые по бумаге чернила, пока не превратились в нечто, что казалось рёбрами гигантской грудной клетки. Словно кто-то выгнул их изнутри, отчего они встали почти вертикально.

Однажды он уже видел такие большие кости. Их привозили торговцы с юга, а те покупали у странников, находивших в пустыне целые города, обитатели которых по-прежнему не покидали своих жилищ: все, что от них осталось – это занесённые песком гигантские скелеты.

Однако это оказались вовсе не чьи-то останки. Приблизившись, Энсадум увидел развалины корабля. Поперечные балки – шпангоуты поднимались на высоту роста двух взрослых мужчин. У основания они крепились к продольному брусу киля словно настоящие ребра – к позвоночнику. Ему пришло в голову, что он смотрит на остатки древнего пиршества, будто насыщалась сама природа: ветер и колючий снег обглодали металл, а сырость и туман довершили начатое. Оставалось загадкой, каким образом судно подобного размера оказалось вдали от большой воды, да ещё на таком расстоянии от берега? В порту он видел краны, способные поднять вес в десятки тонн, однако сомневался, чтобы нечто подобное использовалось здесь.

Коснувшись дерева, Энсадум отдернул руку: оно было холодным и твёрдым как камень.

Говорят, вы можете читать мысли?

Его нынешний спутник не проронил и этих нескольких слов. Единственным звуком, который Энсадум слышал, был шорох его плаща. Он уже начал жалеть, что и сам не одел что-то похожее: тогда ему не пришлось бы вздрагивать всякий раз, когда промокшая одежда липла к телу. Ещё существовала надежда, что в месте, куда они направлялись, найдётся

разожжённый очаг и кружка тёплого питья. Энсадум подумал, что готов отдать все за полчаса в горячей ванной, хотя наверняка обрадовался бы и тазу с губкой.

За все время они остановились лишь однажды – когда Энсадуму понадобилось избавиться от камешка в обуви, но и тогда проводник не произнёс ни слова. Теперь саквояж в его руке весил в два раза больше. Дождь то начинался, то прекращался, и даже в редкие минуты затишья в воздухе висела морось, сквозь которую было ничего не видеть.

Господин, вы читали мои мысли?

Он едва не рассмеялся в ответ. На самом деле любой практик умел читать мысли не лучше какого-нибудь восточного нобиля, разбирающегося в сортах вина. Едва пригубив бокал, тот мог сказать, из какого сорта винограда оно сделано и даже то, на какой стороне склона произрастал виноградник.

Давно известно, что на сетчатке мертвеца сохраняется изображение последнего виденного им при жизни. Или о воздействии различных ядов. Или, что волосы и ногти непостижимым образом продолжают расти даже после смерти. А ещё, что могут рассказать костный и спинной мозг, околоплодная жидкость, тщательно собранный пот или слезы, флегма, слюна, черная и жёлтая желчь, моча, семя... кровь.

С таким набором инструментов как у него, он мог сойти за безумца, которому нравилось пытаться и убивать людей. Пробирки и колбы, длинные ножи и совсем миниатюрные скальпели, иглы, крючки. Все, чем можно колоть, резать, протыкать. Одно орудие для того, чтобы проникнуть в спинной мозг, другое – чтобы забраться внутрь черепа – до самого мозга, не сделав при этом ни единого надреза. Длинные иголки, короткие. С загнутым кончиком, закрученные спиралью, прямые. Маленькая пила для костей. Большой тесак для мышц и хрящей. Щипцы, ножницы. Десяток лезвий: все пронумерованы и уложены – каждое в специальное отделение.

В Друннане, где тела мертвецов было принято бальзамировать, похожими инструментами пользовались жрецы. Для начала извлекались и раскладывались по отдельным сосудам внутренние органы. Для каждого была определена ёмкость своего, особого цвета. Красный – для мозга, синий – для сердца, зелёный – для лёгких, жёлтый – для печени, черный – для почек, белый – для желудка. Затем на протяжении трех дней тело покойного коптили, поочередно сжигая перья, бумагу, прошлогодние листья. Орудия своего ремесла друннанские жрецы носили на поясе словно знаки отличия.

Помимо инструментов в сумке лежали другие принадлежности: медная горелка, маслёнка, деревянная чашка для смешивания порошков, весы, десяток склянок – пустых, но с необходимыми пометками. Позже он заполнит их все, закупорит, а пробки зальёт воском – в точности, как предписано Процессом.

Внезапно ему вспомнилась деревянная рама на лодочном причале в начале пути. Такие рыбацкие жены используют для потрошения рыбы, только на этот раз на толстых цепях были подвешены куда более страшные трофеи: существа с подобиями человеческих лиц; с плавниками, которые заканчивались длинными отростками, напоминающими кисти рук; чудовища без головы; без тела, состоящие из одних перекрученных жгутов...

Энсадум внутренне содрогнулся, поймав на себе взгляд одного из них: единственный уцелевший глаз того уставился на него с неммым укором. Одни были совсем свежими, другие провисели под открытым небом не одну неделю, и их кожа высохла, обтянув тонкие кости. Позже он узнал, что некоторых из этих существ вынесло на берег во время паводка, других поймали в свои сети рыбаки. И поступили, как поступали всякий раз, когда на свет

появлялся трёхногий щенок или слепой телёнок: тут же проломили голову...

Разрушение – так это назвали.

Разрушение.

Первыми перестали работать простые механизмы – часы, печатные машинки. Затем настал черед более сложных, вроде тех, которыми пользовались кураторы. Их инструменты хоть и казались чудесными, все же оставались устройствами, изготовленными руками человека.

Один за другим механизмы отказывались работать. Никто не знал, почему. Никто не мог сказать, сколько это продлится, и тем более – когда закончится. Менее чем за десять дней остановилось буквально все. Это напоминало умирание целого организма, когда один за другим гибнут внутренние органы, и жизнь в теле постепенно угасает. Единственная городская газета поспешила объявить о конце света – за день до того, как перестала существовать сама, типографские станки не напечатали больше ни строчки. После этого оставались лишь слухи: телеграф отключился ещё раньше. Поезда остановились. Некоторые сошли с рельсов или столкнулись друг с другом. Корабли дрейфовали в море, не в силах вернуться в порт, ведь навигационные приборы тоже были механическими.

Как ни странно, погибли немногие. Были те, кто получил ранения из-за внезапно вышедших из-под контроля механизмов, а также те, кто оказался заперт в открытом море или глубоко под землёй – в шахтах, откуда можно было выбраться лишь при помощи специального лифта. Другие пропали без вести и их никто не искал, по крайней мере, о таком не сообщалось.

Первые огни появились, когда Энсадум уже отчаялся увидеть нечто подобное.

Пожалуй, ещё никогда Энсадум не встречал столь неприветливой архитектуры. Дом производил гнетущее впечатление. Его формы казались нагромождением ломаных линий. Флигель на крыше едва слышно поскрипывал, хотя не было видно, чтобы он двигался. На нижнем этаже из распахнутого окна выдуло занавеску, и она повисла, прилипнув к влажному камню. Серое на фоне тусклого неба здание выглядело угольным наброском, сделанным второпях. Подумав об этом, Энсадум решил и в самом деле зарисовать его, и даже определил место в блокноте: между двумя незаконченными эскизами человеческого тела в анатомическом разрезе.

Никто не вышел их встречать. То, что Энсадум вначале принял за путеводные огни, оказалось окнами второго этажа, в которых горел свет. Пока он смотрел, свет в одном из них померк, а затем разгорелся в другом – так, словно кто-то переходил из комнаты в комнату с зажжённой свечой в руке.

По-прежнему не говоря ни слова, проводник махнул рукой, указывая в сторону дома, а сам свернул к видневшимся в стороне постройкам угрюмого вида.

Не обнаружив на двери колокольчика или молотка, Энсадум размахнулся и несколько раз ударил по обшарпанному дереву. Стук отозвался в глубине дома гулким эхом. Какое-то время ничего не происходило. Ему уже начало казаться, что он проделал весь этот путь зря, но затем дверь неожиданно распахнулась, и в прямоугольнике света возникла человеческая

фигура.

Когда Энсадуму исполнилось шесть лет, практик явился к ним домой. Это был день, когда умер его брат.

Сколько он помнил, Завия всегда болел. Кажется, брат заболел ещё до рождения самого Энсадума, но со временем дела становились только хуже.

Обычно раз или два в неделю пара слуг выкатывали худое, сторбленное тело брата во двор. Завия ничего не делал, просто сидел в своём кресле на колёсах и смотрел в даль. Основную часть времени Энсадум старался избегать общества брата и обычно это ему легко удавалось. Однако несколько последних недель Завия не покидал своей комнаты, и это стало настоящим испытанием для всех домашних. Когда он не кричал от нестерпимой боли в конечностях, которые будто выворачивал кто-то невидимый, он громко стонал – даже во сне, словно страдания преследовали его и в сновидениях. Единственный, кого это, кажется, не пугало, была их мать. Она даже перенесла свою спальню ближе к комнате Завии.

Однажды проходя по коридору, Энсадум заметил, что дверь в покои брата приоткрыта. Он заглянул внутрь и увидел шкаф, книжные полки, ночной столик, кровать. Все было почти как у него в комнате. И все же что-то отличалось. Книги были другими, большая часть из них так никогда и не открывалась. Постельное белье было разбросано, дверцы шкафа никто не удосужился затворить плотно. На письменном столике, там, где у самого Энсадума стояла лампа и лежали письменные принадлежности, выстроились ряды микстур и лекарств в бутылочках всевозможных форм и размеров – молчаливое воинство. Но главным был запах. Он тоже отличался. В доме пахло деревом, пачулями, волокна которых вплетались в ткани для защиты от моли, закваской для пирогов, а иногда, когда становилось слишком холодно – дымом и золой из камина. Но в комнате брата запах был другим. Здесь пахло потом, мочой, кровью. Болезнью.

Энсадум не сразу заметил брата. Тот сидел спиной к двери, у окна. Его голова, всегда наклонённая влево, почти покоилась на плече. Могло бы показаться, что Завия спит.

Некоторое время мальчик смотрел на голый череп с пучками тонких волос, чудовищно вывернутые руки и ноги, на раздутые колени. Хватало мимолётного взгляда чтобы понять: брату не становится лучше.

Очевидно, в этот момент Энсадум сделал некое неосторожное движение или же каким-то иным способом выдал своё присутствие, поскольку брат повернул голову и посмотрел прямо на него. Губы Завии растянулись в улыбке. Наверняка он думал, что брат зашёл проведать его и обрадовался... Но затем что-то изменилось. Возможно, он прочёл выражение на лице Энсадума...

Боль исказила черты Завии. По его телу пробежала судорога, глаза закатились, на губах выступила пена. Ноги мелко застучали по полу, пальцы вцепились в мягкий материал кресла.

В следующее мгновение чьи-то руки оттолкнули Энсадума от двери, и в комнату вбежала мать. Обхватив голову брата руками, она заставила его откинуться в кресле и держала, пока судороги не стали утихать. Попутно она отдавала распоряжения слугам: принести воду и чистые полотенца, разжечь в камине огонь. Энсадума оттеснили вглубь коридора, откуда он все ещё мог обозревать краешек комнаты. Последнее, что он видел, это мать, баюкающая брата на коленях...

Завия умер несколько дней спустя. Энсадум спрятался вверху лестницы и наблюдал, как комнату брата поочерёдно покидают слуги, доктор, ночная сиделка. Последней вышла мать.

Минуту она неподвижно стояла у двери, будто не зная, куда идти дальше, а затем поднесла руку ко рту. До слуха Энсадума донёлся едва слышный всхлип.

В тот же вечер на их пороге появился практик. Сидя двумя пролётами выше, Энсадум наблюдал, как тот поднимается по ступеням. Снаружи шёл дождь, и насквозь промокший плащ практика волочился по полу, оставляя на досках хорошо заметный влажный след... Словно полз слизняк. В руках у практика был потёртый саквояж.

Неудивительно, что в жизни практик не был похож на тот образ, что так упорно рисовало мальчишеское воображение. Когда Энсадум думал об этом, ему почему-то представлялся долговязый старик в потрёпанном котелке и с лицом таким морщинистым, что оно напоминало гнилое яблоко. Его глаза наверняка скрыты линзами темных очков. На руках перчатки: они могли скрывать обезображенную язвами кожу, или ожоги, или нанесённые самому себе порезы...

В воображении мальчика практик всегда был вооружён иголкой и ниткой. Игла была изогнутой как рыболовный крючок. Энсадум почти видел, как прищурившись из-за линз своих темных очков, практик продевает в иголочное ушко нитку. Как будто, подобно персонажу одной сказки, желал попытаться пришить к телу мертвеца его давно отлетевшую душу.

Нет, *невозможно...*

В тот вечер мать так и не покинула своей комнаты. Старый слуга был единственным, кто входил в покои брата, и то лишь за тем, чтобы забрать кое-какие вещи.

В доме воцарилась странная тишина, в которой отчётливо слышались доносящиеся из комнаты брата звуки: шорох одежды, звук зажигаемой спички, щелчки застёжек, и главное – тонкий и мелодичный, почти музыкальный, перезвон стали. Заработал насос. Энсадум прислушивался к его тихому гулу, пока тот не сменился другим, характерным звуком, будто кто-то тянет остатки жидкости через соломинку.

Энсадум зажал уши руками, но этого оказалось недостаточно, и тогда он зажмурился...

НЕСКОЛЬКО СЛОВ НАПОСЛЕДОК

Дверь открыл слуга.

Шагнув за порог, Энсадум оказался в просторном холле, где свободно могла поместиться канцелярия Курсора вместе с клерками. Справа и слева вверх уходили две полутёмные лестницы, ступени на самом верху тонули во мраке.

Слуга проводил Энсадума на второй этаж. Все то время, пока они поднимались, слуга шёл впереди, высоко поднимая подсвечник с единственной свечой и останавливаясь лишь для того, чтобы запалить очередной светильник. Вскоре на этаже горели все лампы, но светлее от этого не стало – даже они не могли рассеять царящего вокруг пыльного полумрака.

Внутри было почти так же холодно, как и снаружи, и Энсадум невольно подумал, что содержать такой дом невероятно дорого: понадобились бы сотни свечей, чтобы осветить каждый угол, а также топливо для печей и каминов.

В доме пахло сыростью, старыми вещами, чем-то незнакомым. Запах был терпким, горьким и напоминал аромат полыни. Во время встреч с кураторами Энсадуму приходилось вдыхать разные запахи: приятные и не очень. Кураторы постоянно экспериментировали: сжигали травы, растворяли в кислоте волосы, кости, ногти, замораживали кожу и плоть, воспламеняли жир – животных и человеческий, испаряли кровь, мочу и слюну, иногда по отдельности, иногда смешивая, чтобы понаблюдать, как внутри прозрачных трубок струится новая субстанция. Энсадум постарался, чтобы этот новый запах остался у него в памяти. Некоторые люди коллекционируют запахи и впечатления, как это делают те, кто собирает произведения искусства. У одних они связаны с воспоминаниями о давно ушедших днях, другие, наоборот, ищут свежих впечатлений. Трудно сказать, к какой категории принадлежал Энсадум. Наверное, к той, что считает, будто знакомые запахи делают мир более обустроенным, упорядоченным и предсказуемым. Одним словом – безопасным.

Проходя по коридорам дома, Энсадум обращал внимание на двери. Большинство были закрыты и наверняка заперты, но те, которые оказались приоткрытыми, предвещали пустые комнаты, где не угадывалось никаких очертаний. Ни мебели, ничего. Они представлялись отверстыми пещерами, тёмными норами, в которых до поры таится нечто страшное.

Тикали часы, под ногами постанывал пол.

Все это были звуки безжизненного дома, белый шум подводного мира. С того момента, как Энсадум переступил порог, он чувствовал, будто погружается в океанские глубины – стены подступают со всех сторон, потолок нависает все ниже...

В конце концов слуга толкнул перед ним одну из дверей, и та распахнулась с жалобным стоном.

Комната была скудно обставлена. Одна деталь обстановки не подходила к другой. Складывалось впечатление, что мебель просто снесли отовсюду из дома, не заботясь о соответствии одного предмета другому. Например, в углу стояло трюмо, а у стены выстроился ряд совершенно ненужных там стульев с высокими спинками. По потёртой во многих местах обивке было видно, что некоторыми из них давно и активно пользовались, другие же были совсем новыми. Единственное, что роднило совершенно разные предметы, было обилие пыли. Пыль лежала повсюду, она же витала в воздухе. Стоило сделать шаг и ступить на мягкий ворс ковра, как в воздух поднялось хорошо заметное облачко.

Шторы были задёрнуты. Единственное зеркало в комнате, бывшее частью туалетного столика, оказалось занавешено плотной тканью. Наверняка, причиной этого было некое суеверие, смысла которого Энсадум не понимал. Впрочем, у него имелись свои причины не смотреться сейчас в зеркало. У него всегда были тёмные волосы, из-за которых и без того бледное лицо казалось ещё бледнее. А теперь, после нескольких часов, проведённых на холоде, оно наверняка превратилось в маску смерти, способную напугать кого угодно. Влажная одежда висела мешком – что там под ней, уж не кости ли? Поймав внимательный взгляд слуги, Энсадум откинул со лба локоны влажных волос.

И когда они успели так отрасти?

О ногах даже думать не стоило. Казалось, его обувь не чистили целый год, настолько она была грязной. Понимая, что он уже преодолел половину дома с грязными ногами, Энсадум все же переминался с ноги на ногу. К счастью, слуга оказался не столь щепетильным, чтобы заставить гостя снять обувь ещё у порога.

– Сюда, – сказал он, – Пожалуйста. Проходите.

В комнате горело полдюжины свечей, в том числе несколько ароматических. От них поднимался запах ладана, призванный скрыть тяжёлый дух смерти. Возле кровати был поставлен лишний стул. Рядом водрузили наполненный водой таз, с края которого свешивалась пара тряпиц.

Было видно, что его ждали. Это само по себе было хорошим знаком, ведь встречались случаи, когда родственники усопших тайком хоронили или прятали тела родных, надеясь, что кураторы не узнают. Но они узнавали, всегда. И посылали практиков сделать свою работу.

Водрузив ношу на столик рядом, Энсадум раздвинул стальные челюсти саквояжа. Слуга остался у входа. Глядя на него, Энсадум не обнаружил привычного в таких случаях волнения. Обычно люди с куда меньшим спокойствием воспринимали происходящее, а большинство и вовсе предпочитали оказаться в этот момент где-нибудь подальше. Что ж, решил Энсадум, он здесь для того, чтобы сделать свою работу.

Мертвец был прямо перед ним. Лежал на кровати, прямой как стрела – руки вытянуты вдоль тела, угловатый подбородок смотрит вперёд. С ходу было сложно определить возраст: мужчина за шестьдесят, сохранивший толику былой красоты, которая стала особенно заметной после смерти: черты лица заострились, под глазами и у краёв губ пролегли глубокие тени. Издали могло показаться, что перед ним не тело человека, который ещё недавно жил и дышал, а вырезанная из мрамора статуя. И надо сказать, скульптор поработал на славу, придав этому лицу величественное и отрешённое выражение.

Одет он был в штаны из мягкой ткани и рубашку свободного кроя. Наверняка, его переодели уже после смерти. Энсадум обратил внимание, как небрежно сидит одежда. На пальце поблёскивал перстень с драгоценным камнем – единственная яркая деталь гардероба. Что-то неестественное было во всем этом. Для Энсадума ношение украшений всегда было связано с тщеславием, но какое тщеславие может быть у мертвеца?

В этот момент, приподняв голову покойного, Энсадум обнаружил бурый след, пересекающий его шею под подбородком. Был лишь единственный способ умереть, способный оставить подобный след.

Повешение.

На то, что это именно повешение, а не удушение, указывал тот факт, что след от верёвки был незамкнут на затылке – если бы несчастному накинули петлю на шею сзади, отметина располагалась бы вкруговую.

Значит, все же самоубийство.

Энсадум мог припомнить дюжину случаев, когда практики узнавали об убийстве, но было уже слишком поздно. Некоторые убийцы предпочитали избавиться от любого свидетеля, ведь рано или поздно воспоминания стали бы достоянием кураторов, и тогда все узнали бы об их злодеянии.

Поэтому логичным было не допустить такой возможности: тела сжигали, засыпали известью, пытались растворить в химикатах, даже топили в водоёмах с хищными рыбами, которые были способны очистить скелет до костей за какие-то мгновения, а иногда из них выкачивали кровь, но чаще шли по наименее сложному пути – убивали самого практика. Ведь тогда некому будет забрать кровь жертвы.

Работать пришлось долго. Взяв из саквояжа очередной инструмент, Энсадум тщательно осматривал его, протирал, если это было нужно, а после использования клал на тряпицу рядом. Вскоре ткань, на которой высилась горка хирургической стали, потемнела от влаги.

В последнюю очередь Энсадум извлёк из саквояжа насос. Почти такие же используют для прямого переливания крови, разница лишь в том, что этот не имеет второго раструба. Вся кровь, которую удастся собрать, останется в ёмкости, а не перекачивается снова в вены. По мнению Энсадума, работу которого часто путали с работой врача, эта разница была чем-то большим, чем просто конструкционным расхождением. В конце концов именно это и отличало его от любого из эскулапов: кровь мёртвого останется в банке, и послужит иным целям.

Кровь уже начала свёртываться. Энсадум качнул насос, и несколько сгустков упали на дно ёмкости с отчётливым звуком. Он качнул повторно. На этот раз из раструба потекла кровь – тёмная и густая словно сироп. Ёмкость стала наполняться.

– Это все ещё *он*, верно?

Энсадум вздрогнул от неожиданности.

Сначала он не понял вопроса, но, проследив за взглядом слуги, догадался, что тот имел в виду.

– Не больше, чем рука или нога – это *мы*. – Ответил он, подумав, что говорит в точности как его наставники. Его не впервые спрашивали о чем-то подобном, разве что раньше вопросы были более прямолинейными.

А кто такие «мы»? Наши тела, наша внешность, пол, возраст? Наша индивидуальность? Наши личности? Привычки, склонности, талант либо его отсутствие, опыт? Мечты, планы, невысказанные желания?

Слуга лишь кивнул, будто соглашаясь с этой мыслью. Тени в комнате едва заметно качнулись.

– Но ведь *это* может быть *им*, правда?

Энсадум ответил не сразу:

– В той или иной мере. Сложно сказать. Наверняка – только после Превращения.

Слуга вновь кивнул, будто и в самом деле понимал, о чем речь. Даже сам Энсадум не знал всех тонкостей Превращения. Знали их, пожалуй, только кураторы, но они ревностно хранили все свои секреты, а не только те, что касались их ремесла.

Особенно те, что касались их ремесла.

Энсадум смотрел, как стекающая в ёмкость тёмная струйка постепенно истончается. Перед ним была сама метафора жизни или, может быть, любого существования: всё предельно, всё заканчивается. Таков естественный порядок вещей. Тогда, возможно, то, что

делают кураторы противоречит этому порядку?

Однажды человек, который умер, а затем внезапно ожил на глазах своих ошеломлённых товарищей, рассказывал, что в те несколько минут, когда он оставался мёртвым, ему виделись яркий свет и движение. Будто бы его тело падало или летело – и он совершенно точно знал это. Энсадум слышал подобные истории несколько раз, и все они были похожи друга на друга: смерть, падение, яркий свет, чудесное пробуждение. Даже вопросы, задаваемые слушателями после – и те мало отличались друг от друга: они хотели знать, видел ли умерший бога, или богов, а если да, то каких, и как выглядит загробный мир и каково это – умереть и *знать*, что ты умер.

Однажды на одном из таких собраний руку поднял некий человек, и получив разрешение говорить, спросил не чувствует ли оратор, что в буквальном смысле *задолжал* Смерти. Закончилось тем, что под крики толпы его вышвырнули на улицу. Энсадум вышел следом. С тех пор он избегал тех, кто верил в чудесные воскрешения, жизнь после смерти, астральные путешествия и переселение душ.

Если и существовала некая «душа», помещалась она явно не в теле. Тогда, может быть, в крови? Ведь он собирал для кураторов кровь, которую те превращали в эссенцию, способную хранить воспоминания человека на протяжении многих лет. Было это продолжением жизни вне тела или только притворялось таковой, Энсадум не знал.

Насос издал последний хлюпающий звук и перестал качать. Ёмкость оказалась заполнена наполовину. В скудном свете кровь казалась чёрной, но стоило поднести сосуд к свету, и содержимое начинало переливаться, словно внутренности рубина.

Кураторы будут довольны.

– Кто осуществит Превращение?

Энсадум вздрогнул от неожиданности. Оказалось, пока он качал насос, слуга подошёл ближе и теперь стоял с противоположной стороны кровати. Энсадум чувствовал, как внутри зарождается смутное беспокойство, а вместе с ним новая и тревожная, но пока далёкая от завершения мысль...

Над его головой гроыхнуло. Звук был таким, словно этажом выше уронили тяжёлый куль.

Услыхав странный шум, слуга, казалось, забеспокоился. Он бросил быстрый взгляд вверх, затем посмотрел на приоткрытую дверь, словно пытаясь решить, что делать дальше.

Звук повторился. На этот раз Энсадум готов был поклясться, что его источник переместился, будто на верхнем этаже и в самом деле двигали что-то тяжёлое и громоздкое.

Сверху послышались звуки возни, несколько голосов о чем-то приглушённо заспорили. Странно, до этого момента Энсадум и не догадывался, что в доме есть кто-то другой.

Быстро пробормотав извинения, слуга бросился в коридор. Энсадум слышал его шаги, думая, что, если подождать некоторое время, они наверняка раздадутся у него над головой.

Выбегая, слуга захватил фонарь. Единственным источником света в комнате остались свечи, половина из которых почти догорела. Что ж, его работа окончена, и он не собирался дожидаться, пока слуга вернётся. Разобрав насос и упаковав вещи в саквояж, Энсадум направился в коридор.

Здесь было ещё темнее. Идти пришлось на ощупь. Левой рукой он касался стены – единственного ориентира в окружающем мраке. Поэтому, когда внезапно стена кончилась и рука провалилась в пустоту, у Энсадума перехватило дыхание. Оказалось, это была всего лишь приоткрытая дверь, одна из тех, куда он заглядывал накануне. Теперь он жалел, что

не догадался захватить с собой хотя бы огарок свечи.

Добравшись до лестницы, практик огляделся. На площадку этажом выше падал свет из приоткрытой двери, но его было недостаточно, чтобы осветить лестницу под ногами.

Он начал спускаться.

Уже на середине лестницы Энсадум вдруг обнаружил, что движется на ориентир – серые узкие окна, находящиеся по обе стороны двери. Сквозь мутные стекла внутрь попадало немного дневного света. Дверь оказалась не заперта. Покидая дом, Энсадум думал, что вполне способен вернуться к лодке и без посторонней помощи.

Он уже приготовился проделать весь обратный путь к реке в одиночестве, однако распахнув дверь, неожиданно обнаружил стоящий у крыльца экипаж. Его недавний провожатый стоял рядом. Сняв с ноги ботинок, он выковыривал небольшим ножиком застрявшие в подошве камни. Увидев Энсадума, он спрятал нож, натянул ботинок, а затем махнул рукой, приглашая забираться внутрь.

Энсадум чувствовал себя беглецом, понимая, что спешит покинуть это место как можно скорее. Он обернулся и посмотрел на дом позади. Свет горел лишь в окне верхнего этажа.

И все же, опуская ступню на подножку экипажа, он ощутил укол совести: уже не впервые он чувствовал себя вором, похитившим самое ценное – чью-то душу.

Склянки в его саквояже звякнули, когда он забирался внутрь. Странно, но в этот раз в их звоне ему слышался чей-то стон, словно десятки голосов одновременно выдохнули на единой скорбной ноте.

Не проходило ни дня, чтобы из канала не выловили очередного утопленника. Большинство тел были бледными, распухшими и почти ни у кого из них не осталось зубов – следствие долгого употребления белой смолы. Торговцы кеком с перерезанными от уха до уха глотками, избитые до смерти бродяги, проститутки с выпущенными наружу кишками, так что вокруг их тел, когда они находились в воде, плавали ленты розового и серого, словно лоскуты материи у танцовщиц, дававших представление на празднике в честь его отца в прошлом году.

В прошлом? Или это было в позапрошлом?

Подумав немного, Спитамен решил, что это не имеет значения. Сидя на мостовой в тени дома, окна которого выходили на канал, он достал из кармана плитку смолы, отломил кусочек и принялся разминать в грязных ладонях. Людей вокруг становилось все больше: голосистые торговки с корзинами товара спешили на рынок; мальчишки-посыльные торопились по десяткам поручений; брели вечно усталые рабочие с красными от недосыпания глазами; их обгоняли служащие, и у каждого в руках была папка или чемоданчик с бумагами: работа, взятая на дом. Возвращался помощник пекаря: он только что развёз свежий хлеб, и в пекарне уже дожидалась новая партия; проехала упряжка: угрюмый возница подгонял лошадей, хотя в повозке никого не было; некий человек с растрёпанными волосами бросился ей наперерез, и едва не угодил под колёса. Фонари погасили, однако в воздухе по-прежнему витал запах газа.

Перекаtywая кислый шарик во рту, Спитамен скосил глаза в сторону канала, туда, где уже начала собираться толпа. В ней выделялись трое в красных солдатских мундирах. Пока они из последних сил старались не подпускать зевак слишком близко к краю, четвёртый их спутник – во всем черном, стоял у парапета и, заложив руки за спину, смотрел под ноги. Спитамен понял, что взгляд его устремлён вниз, к тому, что плавало в воде. Наверняка ему не стоило так откровенно глазеть, поскольку один из мундиров внезапно обернулся и, заметив его, сделал знак подойти:

– Эй, ты! Ступай сюда!

К несчастью для Спитамена, он уже успел ощутить действие смолы. Его мысли плыли неторопливо, словно облака в погожий день. Поэтому, когда над ним нависло тёмное от гнева лицо «мундира», он только и смог, что моргать и нелепо улыбаться.

– Ты оглох? Я к тебе обращаюсь!

Теперь взгляды всех присутствующих были обращены в их сторону. Послышались смешки, кто-то показывал на него пальцем, кто-то качал головой.

У стражника было широкое смуглое лицо, над губой тонкой чёрточкой темнели подвитые кверху усы. Спитамен уловил исходящие от него запахи: промасленной кожи, специй, пива, застарелого пота. Двое других «мундиров» также смотрели в их сторону. Один снял шлем и провёл рукой по взмокшему лбу, другой поправил саблю на ремне.

Удар настиг его неожиданно. Прежде, чем Спитамен успел опомниться, он очутился в пыли. Второй пинок пришёлся по его животкам: тарелка для подаяний с грохотом покатила по камням, а лежавшие в ней медяки разлетелись в стороны.

Ему и раньше доставалось от солдат. Однажды пара подвыпивших офицеров поколотили его так, что ещё месяц потом сломанные ребра не давали ему покоя. В другой раз со свистом,

криками и топотом на него наскочил отряд кавалеристов, причём тот из них, что ехал впереди – в ярко начищенном шлеме с развесистым плюмажем – специально повернул лошадь так, чтобы Спитамен угодил под копыта. К несчастью для солдат, жертва оказалась проворнее и отряд с улюлюканьем пронёсся мимо. Лишь последний солдат выхватил из ножен саблю и плашмя ударил ею Спитамена – похоже, тому не полагалось радоваться внезапной удаче.

Чьи-то руки дёрнули его за шиворот, поднимая на ноги. Ткань затрещала и порвалась. Затем его подтолкнули к ограждению. В воде внизу плавало нечто, что он вначале принял за обычный мусор.

– Полезай вниз, – велел солдат.

С годами канал заметно обмелел. На его стенах остались горизонтальные отметины – следы того, как из года в год понижался уровень воды. Никто не мог с уверенностью сказать, насколько канал глубок сейчас. Когда-то давно Спитамен слышал, что его вырыли в годы белого тлена, чтобы иметь возможность избавляться от тел погибших. Течение уносило трупы за пределы города. Теперь бедняки мылись, стирали белье, а то и вовсе брали в канале воду для питья. Даже если ему повезёт, и он не переломает ноги о дно, выбраться наружу без посторонней помощи будет невозможно. Потребуется лестница, а об этом никто не подумал...

Спитамен собирался ответить солдату, чтобы сам прыгал вниз, раз такой умный, однако не успел раскрыть и рта. Резкий толчок бросил его вперёд. Перевалившись через ограждение, он полетел вниз. Последнее, что Спитамен успел заметить – это то, как веселье на лицах наблюдавших за ним людей сменяется недоумением.

А потом рухнул в воду.

Позже он вскарабкался на крышу одного из стоящих рядом домов, чтобы высушить одежду под лучами солнца и немного согреться.

Снизу звучали голоса. Не гул с улицы – его Спитамен давно перестал замечать, а настоящие голоса из здания под ним. Однажды он понял, что слова прокрадываются сквозь щели подобно насекомым. Как и большинство насекомых, слова были безвредны. Но некоторые из них таили опасность. Они казались ему жучками, вроде тех, что бегали по его рукам, когда он стягивал мокрую рубашку. Он знал наверняка, что пищей им служит дерево, из которого сделаны балки этого здания, опоры на пристани, полы в здании городской администрации.

Внизу ссорились дочь с отцом. Она хотела пойти на свидание с кем-то кого звали Кевакия, а старик запрещал ей это. Постепенно голоса становились всё громче, звенела посуда, хлопали двери.

Мокрую одежду он разложил вокруг, раздевшись догола. Борода щекотала грудь. Волосы Спитамен стянул вместе, кое-как собрав непослушные пряди в подобие хвоста. Всё, что было в карманах, безнадежно погибло. Остался лишь небольшой кусочек кека, завернутый в бумагу: его Спитамен решил приберечь на потом.

Его блюдце закатилось неизвестно куда, монеты разлетелись в стороны и наверняка стали добычей уличных мальчишек. Вдобавок он лишился одеяла.

Теперь Спитамен вспоминал, как это было.

Рухнув в канал, он наглотался воды, от которой его тут же вырвало. Кислый вкус кека вместе с остатками смолы вымыло изо рта, оставив лишь жгучий вкус желчи. Барахтаясь, он

случайно задел что-то, отпихнув его от себя, но тут же ощутил, как встречной волной *это* прибывает назад. На сей раз он оттолкнулся обеими руками, чувствуя, как кончики пальцев касаются чего-то мягкого и податливого.

Сверху что-то кричали, но он не мог разобрать, что именно. Вода попала в глаза, и на некоторое время он лишился зрения, успев в последний момент разглядеть: то, что он вначале принял за обычный мусор, было плавающим вниз лицом человеческим телом...

Это точно не было похоже на бассейн в доме его отца, а у воды стояли не мраморные статуи, изображавшие юных дев, а смеющаяся и улюлюкающая толпа, в которой Спитамен заметил людей с длинными шестами в руках. На концах этих шестов поблёскивали острия.

Нет, решил он, не острия. Это были крюки, в точности как те, которые используют мясники. Каждое утро Спитамен наблюдал, как через улицу от него толстяк в кожаном фартуке открывает магазинчик, где за прилавком были развешаны куски мяса всех форм и размеров. Иногда он рубил их топором с короткой рукояткой, который вонзался в колоду с глухим стуком.

Спитамен попытался плыть, при этом его руки сами вцепились в тело утопленника, которое оказалось на удивление лёгким. Сверху продолжали кричать. Похоже, те люди хотели, чтобы он толкал тело к парапету.

Затем в толпе появился человек с багром. Спитамен знал его – он был из числа тех, кто спозаранку ходит от дома к дому и будит жильцов громким стуком в окно. Разумеется, не забавы ради – горожане платили ему за то, чтобы быть разбуженными вовремя. Этот человек поднял багор высоко над головой (очевидно ту самую палку, что служила инструментом его профессии), и резко опустил. Крюк на её конце клюнул воду в паре локтей от Спитаменовой головы.

Длинные багра оказалось недостаточно.

Сверху вновь прокричали, чтобы он подтолкнул тело.

До этого Спитамен не раз видел почерневшие от постоянного холода руки прачек, но не подозревал, насколько ледяной может быть вода. Держаться на поверхности становилось все труднее. Сделав усилие, он ухватил мертвеца за край одежды и потянул. Мокрая ткань лопнула с громким треском.

Конец багра вновь погрузился в воду, а затем вынырнул, едва не подцепив самого Спитамена.

Уворачиваясь от злополучного орудия, Спитамен потревожил тело, и оно перевернулось.

Было слышно, как наверху выдохнула толпа.

Стали видны искажённые смертельной гримасой черты лица, кожа которого была синюшной, почти черной. Невозможно было сказать, какого цвета у утопленника глаза или какой формы были губы – и то и другое отсутствовало – наверняка потрудились рыбы из канала (некоторая часть из них попадёт в качестве улова на столы горожан из числа бедняков уже сегодня вечером). При этом кожа на чудовищно раздутом лице была гладко выбрита, а бакенбарды, вошедшие в моду в последние несколько лет, даже побывав в воде, сохраняли ту форму, которую им придали бритва и ножницы парикмахера – наверняка благодаря какой-нибудь специальной помаде для волос.

Кожа на лице мертвеца (если не считать участков вокруг глаз и губы), сохранилась, чего нельзя было сказать о руках, и как догадался Спитамен, рыбы здесь были ни при чем.

Во-первых, руки мертвеца были связаны. Толстый красный шнур, которым это было

сделано, впился глубоко в плоть. Кожу вокруг покрывали многочисленные отметины – следы от ожогов. Кончики пальцев мертвеца были странного сизого цвета, и Спитамен с опозданием понял, что видит то, что осталось от ногтей.

Все это были следы пыток, причём судя по количеству ран, пытали несчастного долго. Значит, хотели выведать нечто важное. А, получив желаемое, убили, после чего бросили тело в канал. Подобное случалось сплошь и рядом, разве что обычные похитители действовали с куда меньшим терпением – обычно сразу переходя к отрубанию конечностей.

– Ну же, парень, заканчивай обниматься и тащи его сюда!

Это кричал человек с багром, который по-прежнему замахивался своим орудием. Чтобы подцепить утопленника, ему не хватало совсем чуть-чуть.

Кто-то засмеялся, кто-то даже принялся аплодировать, словно шутка была действительно удачной.

Спитамен посмотрел наверх.

На набережной появились торговцы, продававшие мясо на палочках, сладкие пирожные и засахаренные фрукты. Издали был виден яркий колпак водоноса. Скорее всего, вода в его вёдрах была ненамного чище той, в которой плескался сейчас Спитамен.

Отшвырнув бесполезный лоскут, Спитамен искал за что бы ухватиться. На поясе мертвеца он обнаружил кожаный ремень. Уж он-то точно не должен был порваться.

Ремень был широким, и с одной стороны его покрывали металлические клёпки, а с другой оба его конца были скреплены бляхой.

Спитамен взялся за пояс и потянул.

Под поясом обнаружилось нечто вроде потайного кармана. И этот карман не был пустым. Внутри пальцы Спитамена нащупали мешочек наподобие тех, где торговцы хранят монеты. Сотни таких мешочков ежедневно переходят из рук в руки на любых рынках, и никто не удосуживается развязать один из них и проверить содержимое – обычно торговцы опытни настолько, что по весу определяют нужное количество монет.

– Ну чего ты там барахтаешься?

Вновь смех, хлопки. Кто-то несколько раз прерывисто свистнул.

– Обними его покрепче!

– Голубки!

– Как водичка?

И все в таком же духе. Кошель тем временем незаметно перекинулся из потайного кармана за поясом Спитамену за пазуху.

Вынырнув на поверхность, он обнаружил, что солдат стало как будто больше. Теперь они выстроились в линию вдоль набережной.

Странное дело, но о нем похоже забыли. Он видел, как солдаты начали теснить зевак от парапета, подталкивая прикладами ружей. Кто-то негромко возмущался, кто-то старался увернуться и по-прежнему стремился к ограждению, однако большинство повиновалось.

Внезапно сверху послышались крики. Поначалу Спитамен принял их за все то же бурное ликование толпы, но затем прогремели первые выстрелы.

Один выстрел, второй, затем сразу несколько. С того места, где он находился, Спитамен видел лишь край набережной, который заволокло пороховым дымом. А мгновение спустя из клубящегося тумана возникла фигура солдата с оружием в руках. Недолго думая, солдат прицелился в направлении Спитамена и выстрелил.

Спитамен нырнул. Воду рядом прорезали пули.

Спустя некоторое время – один или два удара сердца – в воду рядом рухнуло первое тело. Все это время Спитамен находился под водой. Воздуха в легких не хватало, но вынырнуть сейчас было бы настоящим самоубийством.

Несчастливым, тело которого опускалось сейчас на дно, был человек, ещё недавно орудовавший багром. Его глаза были широко распахнуты, из открытого рта поднималась струйка крови. Почти сразу же рядом рухнуло другое тело: какая-то женщина.

Бешено работая руками, Спитамен попытался плыть. И хотя он больше не видел мертвецов в мутной воде, он чувствовал их присутствие. Один раз совсем рядом мелькнула чья-то рука и ему пришло в голову, будто один из них пытается дотянуться до него. Спитамен отпрянул, закричал, выпуская из лёгких остатки воздуха, рванул вверх. Его уже не пугало что, вынырнув, он станет мишенью для солдат. Гораздо страшнее было остаться здесь, в темной воде, наедине с мертвецами.

Он все плыл и плыл, но так и не достиг поверхности. Холод окутал его, струи воды скользили по коже. В последней отчаянной попытке выбраться он рванул вверх, но натолкнулся на преграду. Как будто кто-то поставил между ним и миром снаружи стену, не желая выпускать из этой темной, промозглой обители.

Перед тем, как его сознание померкло, Спитамен понял, что тонет. Откуда-то со дна этого холодного, безжизненного ничто поднялась ласковая рука, обняла его и увлекла за собой...

Спитамен медленно приходил в себя. Он лежал на берегу канала, окружённый мусором словно некий жадный божок – мелкими подношениями своих почитателей. Неподалёку две женщины стирали белье. В стороне от них, стоя по колено в воде, мылись несколько мужчин.

Внезапно бок пронзила острая боль. Оказалось, пока он лежал, к нему подобралась стайка мальчишек, и один из них ткнул его острой палкой. Спитамен вскрикнул от боли, чем до смерти напугал оборванцев. Те бросились врассыпную. Женщины прекратили стирать и подняли головы, мужчины отложили мочалки и направились к нему.

Спитамена подняли на ноги, усадили, после чего одна из женщин подала ему чашку воды (как будто он недостаточно нахлебался, плавая в канале!). И всё же Спитамен не стал отказываться.

Ему с лёгкостью удалось уйти от расспросов, тем более, спрашивать-то было особенно не о чем. Сам он, потягивая мутную жижу, задумался: зачем солдатам понадобилось стрелять в толпу?

Наконец женщины потеряли к нему интерес и отправились по своим делам, унося корзины с бельём. Мужчины ушли ещё раньше. Даже оборванцы, все время наблюдавшие за ним издали, и те утратили интерес. После того как ушли взрослые, они пробовали швырять в него камни, подобранные на берегу канала, но не дождавшись реакции, бросили это занятие.

«Полоумный», – прозвучало в его адрес.

«А может, одержимый?»

«Ага, как тот тип, что потрошит людей по ночам».

Оборванцы уходили. Спитамен смотрел на их потемневшие от грязи спины. Наверное, до поздней ночи будут бродить в поисках вещей, которые могло бы вынести течением. Что там кто-то из них сказал о потрошителе?

«А, может, это он и есть?» – расслышал Спитамен слова одного из мальчишек.

Три нечёсанные головы повернулись в его сторону. Хотя их и разделяло приличное расстояние, по спине у Спитамена пробежал холодок. Что ж, снайперами они оказались неважнецкими, может, копейщики из них не лучше?

В самом деле, что им стоит вообразить, что он представляет опасность? Их родители (если у них действительно были они), только что вытащили грязного, ослабшего, до смерти напуганного человека из канала. Так почему бы ему не оказаться тем самым потрошителем, который, по их словам, убивает людей?

«Не, этот на душегуба не похож. Больше на придурка похож».

Спитамен не собирался доказывать иное. Что ж, придурок так придурок.

Один из оборванцев пнул в его сторону груды мусора, другой плюнул, третий, видимо, чтобы не отставать от первых двух, выставил средние пальцы обеих рук в общеизвестном жесте.

Спитамен ещё некоторое время сидел, стараясь перевести дыхание, но каждый раз его мысли возвращались к стрельбе у набережной и к словам детей о ночном потрошителе.

– Эй, – крикнул он вслед уходящим оборванцам, – А этот потрошитель – он многих убил?

Грязные лица вновь повернулись к нему. Теперь они казались ему удивительно взрослыми.

– А тебе чего?

Спитамен пожал плечами, притворяясь, ему и в самом деле безразлично.

В это же самое время что-то внутри него клокотало и кричало, пытаясь вырваться на волю: вот оно! Точно такое же чувство он испытал, когда коснулся плавающего в воде мертвеца. Особенно запомнился ему красный шнур, которым были связаны руки несчастного. Спитамен до сих пор помнил, как покачивались в воде его распущенные концы, похожие на густые кисточки или на диковинные морские водоросли.

В тот момент, когда вокруг началась суматоха и ему пришлось спасаться, видение шнура начисто выскользнуло из его памяти. Но теперь картинка вновь всплыла у него перед глазами: посиневшие до черноты руки мертвеца, стянутые у запястий красной бечевой...

Что-то было в этом шнуре... Что-то неправильное.

И знакомое.

Говоривший мальчишка подступил ещё на шаг. Этого оказалось достаточно, чтобы Спитамен ощутил исходящий от него рыбный запах. Сам он давно жил на улице, но, похоже, эти дети *родились* здесь.

И *умрут*, так и не покинув своего тесного мирка, подумал он.

Вряд ли кто-то из них способен отправится в путешествие, разве что на рыболовной шхуне.... Или умеет читать. Или годеен на что-либо, кроме того, чтобы пополнить и без того богатый преступный мир здешней города.

Спитамен наблюдал, как мальчишка делает ещё шаг. Не дойдя до него пары сажений, тот остановился и, размахнувшись, вонзил в землю свою палку. Острие вошло в грязь с отвратительным чавканьем, и Спитамен поморщился: примерно с таким звуком недавно пули прорезали толщу воды.

– А может, – протянул оборванец, показывая коричневые зубы, будто рот него был набит шоколадом, однако Спитамен не обманывался – в таких местах и не слыхивали ни о чем подобном, – Может ты неспроста спрашиваешь.

Спитамен пожал плечами:

– Может.

Некоторое время юнец смотрел ему в глаза, затем отвёл взгляд. Было видно, что он только пытается казаться бесстрашным в глазах сверстников.

– Семь...

– Семь человек?

Оборванец пожал худыми плечами.

– Последнего здесь нашли, неподалёку. Думали, ты восьмой.

Семь человек...

Нет, их и в самом деле *восемь*, если считать труп в канале.

Хотя чему удивляться? В этой и других частях города убийства случались постоянно. Драки, закончившиеся смертью одного или нескольких участников, заказные убийства, убийства из ревности, из корысти или же вообще без всякой причины.

– Что, нечего сказать?

Спитамен покачал головой. Интересно, кем считали его эти трое? Ещё одним жалким, никчёмным бродягой? Хорошо, если так. Вряд ли им пришло бы в голову ограбить его, но случись это, содержимое забранного у мертвеца кошель могло стоить ему жизни. И наверняка его тело так же остались бы плавать в канале лицом вниз...

После того как дети покинули его, Спитамен ещё некоторое время прислушивался к звуку их голосов, звучавших из широкой, в рост человека, трубы, в которой исчезало то, во что превращался канал. Удостоверившись, что мальчишки действительно ушли, а не наблюдают за ним тайком, Спитамен достал из кармана кошель, развязал шнурок и запустил пальцы внутрь...

Теперь, сидя на крыше, он держал находку между большим и указательным пальцами и разглядывал, поворачивая так и сяк.

Как ни странно, он не мог понять, *что* перед ним. Деталь механизма – да. Но вместе с тем предмет казался живым. Это был шар чистейшего пламени, не больше детского кулачка, и почти невесомый.

Парадоксальным образом он напоминал одновременно мерцающий уголёк, икринку, доверху наполненный сосуд и механические часы. Внутри переливалась вязкая жидкость, густая как смола, и плотная настолько, что помещённые в неё крохотные элементы не тонули и не льнули к стенкам, оставаясь в одном и том же положении относительно друг друга, как бы Спитамен не поворачивал сферу.

Перекатывая предмет между пальцами, он наблюдал, как содержимое шара меняет цвет. Неторопливость и непоследовательность этих изменений наводила на мысль, что все они происходят по воле случая.

Спитамен вертел сферу и так и этак, пока ему не надоело. Вещица, конечно, необычная, однако какой от неё прок, если он не сможет её продать? К тому же, вспомнив то, что солдаты устроили на набережной, Спитамен хотел избавиться от находки как можно скорее. Возможно, стоило попытаться осторожно разузнать цену. К счастью, он знал одного торговца. Галантерейщика, владеющего небольшой лавкой к югу отсюда.

Ткань была ещё слегка влажной, когда он натянул рубаху и штаны на своё тощее, покрытое грязными разводами тело. Даже купание не помогло, с тоской подумал он. Возможно, если бы у него была мочалка и кусок мыла... Хотя, какая разница?

Спустившись с крыши, Спитамен скользнул в прохладу узких улочек.

Ещё до наступления темноты он доберётся до лавки галантерейщика, а тогда, возможно, у него появится пара монет. Может даже хватит на мочалку с куском мыла и на визит в общественные бани.

Да, подумал он, бани – это хорошо. И нет, больше он никогда не будет мыться в канале. Черта с два он окунётся туда ещё раз.

Лавка располагалась в глубине узких извилистых улочек, в неприметном здании, так что найти её случайному человеку было не так просто. К счастью, Спитамен бывал здесь раньше.

Войдя снаружи, где ярко светило солнце, он некоторое время привыкал к полумраку. Почти ничего не изменилось со времени его последнего визита. Разве что товаров стало больше – теперь они громоздились друг на друге до самого потолка, подпирая его словно импровизированные колонны – храм какого-нибудь древнего бога.

Бог этот наверняка был жаден и символизировал стяжательство, разруху, а ещё – развращённость. Повсюду можно было увидеть предметы, обыгрывающие бесконечно разнообразие отношений как между двумя, так и в рамках одного пола. Многочисленные миниатюры, гобелены, ковры, чаши, вазы, полотна, фигурки всех размеров и видов – все было посвящено одной теме. Безусловно, здесь были и другие предметы – оружие разных стран и эпох, произведения искусства, украшения и многое другое, но ничто так не бросалось в глаза, как это.

Войдя, Спитамен едва не напоролся на исполинских размеров фаллос, указующий на посетителя словно обличающий перст. Обойдя его стороной, он оказался лицом к лицу с гротескным изображением получеловека-полукозла, овладевающим кем-то отдалённо напоминающим смесь женщины, птицы и лошади. Фантазия неизвестного художника явно шла дальше любых мифологических сюжетов.

Кроме демонстрировавшийся на полках откровенных статуэток, здесь находились прозрачные ёмкости разного размера. Внутри одних медленно покачивались тёмные комки, другие были пусты, если не считать содержащейся в них жидкости. Цвет жидкостей в сосудах тоже отличался: от розоватого раствора до оранжевой жижи, испускавшей слабое свечение. Однажды Спитамен видел, как внутри одного из сосудов к стеклу неожиданно прильнула чья-то рука.

Однако куда больше впечатляла внешность владельца лавки. Было неважно, сколько раз в своей жизни вы входили в здешнюю дверь – каждый раз вас ждало удивление.

Его абсолютно лысая голова была покрыта следами не то ожогов, не то родимыми пятнами... В скупом свете они тускло поблёскивали, словно кожу натёрли металлическим порошком. Спитамен слышал, что такие следы остаются у тех, кто попадает под воздействие химического огня. Это объясняло тот факт, что торговец почти никогда не снимал темных очков. Даже здесь, в полумраке лавки, он оставался в черных окулярах.

– Ну,ходи, – сказал он странным воркующим тоном, будто обращался к ребёнку, – С чем пожаловал? Или, наоборот, пришёл прикупить? Прицениться? Заложить? Одолжить? Явился на экскурсию? А может ты из праздно шатающихся и не стоит тратить на тебя время?

Он издал короткий смешок, видимо на тот случай, если пришедший действительно решит, что последнее возможно.

Спитамен готов был поклясться, что вошёл тихо. Может, лавочник ощутил исходящий

от него запах? Спитамен старался не замечать вонь канала, будто бы прилипшую к коже. Впрочем, вряд ли. Его собственный запах не шёл ни в какое сравнение с царившим в помещении зловонием, в котором соединились запахи сырой земли, ржавого железа и... тлена.

К галантерейщику его привёл один человек. Это было несколько лет назад. Тогда у него ещё оставались кое-какие вещи: семейные ценности, пара украшений. Лавочник предложил за все треть цены, ссылаясь на то, что предметы наверняка краденые. Уже тогда Спитамен обратил внимание на окна. Их в лавке насчитывалось не меньше трёх, и все были завешены черной плотной тканью. Конечно, у этого могло быть другое, рациональное объяснение: днём и ночью специально нанятые мальчишки заглядывали в окна богатых домов и магазинов, запоминая, в какое время там бывают хозяева, где они хранят ценности, где спят и так далее. Эти сведения продавались затем любому желающему – в основном ворами и грабителям, а иногда и наёмным убийцам. Впрочем, Спитамен ни разу не слышал, чтобы *эту* лавку пытались ограбить. Как он не слышал и того, почему заведение, где не нашлось бы и куска мыла, не говоря уже о гребёнках, расчёсках и прочем, называют галантереей. Может быть, в шутку? Иногда у обитателей городских окраин было странное чувство юмора.

– Итак? – вновь спросил лавочник, – Что там у тебя?

Спитамен чувствовал, как торговец сверлит его взглядом, слышал, как тот принюхивается. Лавочник даже перегнулся к нему через стол, при этом свет блеснул на стёклах его темных очков. Ноздри на покрытом пятнами лице затрепетали, тёмный язык выскользнул изо рта, прошёлся по губам.

Спитамен сунул руку в карман и коснулся сферы.

Ему страшно хотелось кека. Пальцы уже начали мелко дрожать, и он знал, что скоро эта дрожь перейдёт на все тело. Кожа начнёт неметь, а суставы нальются свинцом и будут гореть, словно в них загнали раскалённые гвозди.

Затем станет ещё хуже – зрение и слух начнут выкидывать странные вещи вроде темных образов, мелькающих где-то на периферии зрения и голосов, которые будут нашёптывать страшные и преступные вещи. Все это он переживал, и не раз. Кроме того, он видел, что случалось с людьми, которые так и не получали желанной порции наркотика. До сих пор иногда во снах ему являлись их перекошенные, безумные лица.

Наверняка на деньги, вырученные от продажи сферы, он мог бы купить порцию белой смолы (а, может, и не одну). Однако в тот момент, когда его дрожащие пальцы коснулись предмета в кармане... Спитамен вдруг передумал его продавать.

– Ну-ка, покажи, что у тебя в кармане, – сказал лавочник, приподнимаясь над столом. Его лысая голова, на которой отразился неизвестно как затерявшийся в полумраке лавки блик света, была похожа на изрезанную кратерами поверхность луны, – Покажи.

Спитамен не мог сказать, что вызвало перемену в настроении продавца, однако дело принимало скверный оборот.

– Воришка, – сказал лавочник, – Иди-ка сюда, покажи, что у тебя в карманах.

Спитамен отступил на шаг. Ему захотелось бежать. Он развернулся и направился к двери. В этот момент торговец ринулся к нему из-за стола. Двигался он на удивление быстро, куда проворнее всех, кого знал Спитамен.

Когда лавочник метнулся от прилавка к двери, опережая Спитамена, тому показалось, что он переместился прямо в воздухе, словно ярмарочный артист, у которого из-за спины тянется пара канатов.

Спитамен едва избежал столкновения. Уклонившись, он развернулся и бросился в обратном направлении – к счастью, эта часть лавки была не сильно загружена.

Впереди он увидел дверь.

Не особо разбираясь с тем, что могло оказаться с той стороны, Спитамен нырнул в дверной проем.

Он увидел уходящие вниз ступени, часть из которых тонула во мраке. Пришлось спускаться. Инстинктивным желанием было зажмурить глаза и заткнуть нос, как он сделал недавно, окунаясь в зловонную воду канала.

Спитамен не мог сказать, что вывело лавочника из себя. Ещё никогда он не видел его настолько разъярённым... Никого не видел. Возможно, сам того не зная, он сделал что-то, чего не должен был. Половина из тех, кого в итоге вылавливали из канала, оказывались не в то время и не в том месте. Возможно, лавочник принял его за кого-то другого? Кто знает, *кого* он увидел сквозь тёмные стекла своих очков?

Торговец позади хрипел и сыпал проклятиями. А вместо топота, который должен был разноситься на всю лавку, слышалось лишь тоненькое цоканье... Как будто некая обладательница длинных ногтей постукивала ими по дереву, а затем изо всех сил принялась ими же скрести.

Спитамен преодолел десяток ступеней, когда его накрыла тень. Оглянувшись, он увидел сверху лестницы лавочника.

Был различим лишь его силуэт, но и этого оказалось достаточно, чтобы понять: что-то не так с его ногами.

Совсем не так.

Спитамен увидел две пары полусогнутых конечностей, на которых помещалось человеческое туловище. На концах этих лап находилось по длинному когтю, каждый из которых был величиной в предплечье взрослого человека. Именно их перестук он слышал минуту назад.

Модификант?

Но как такое могло быть?

Сращивание человеческого тела с частями тел животных было запрещено. За соблюдением закона следили клирики, а нарушителей жестоко карали. Попадались правда, единицы, в основном из преступного мира, кто готов был рискнуть и все же обращался к хирургам-модификаторам. Операции были простыми, а изменения – почти незаметными, так что определить композитное существо с первого взгляда удавалось не всем.

Внезапно все стало на свои места. А вдруг тёмные очки на половину лица – это не прихоть, а необходимость? Вдруг под ними уже не человеческие глаза, а пара паучьих глаз? Или даже – не пара?

Все это пронеслось в голове Спитамена за считанные мгновения, пока он смотрел на фигуру вверху лестницы.

А затем одним движением, в котором проворство насекомого сочеталось с силой человека... Лавочник захлопнул дверь.

КАМЕНЬ, БРОШЕННЫЙ РУКОЙ МЕРТВЕЦА

Для Ноктавиданта день начался с длинного пути по тёмному и сырому коридору, где каждый звук был подобен блуждающей по кругу дурной мысли. Света нескольких ламп едва хватало, чтобы различить серый камень стен и кроваво-красную ленту писемён, сохранившуюся с той поры, когда они что-то значили. Теперь письма потускнели, лента прерывалась в некоторых местах, словно некий учитель в порыве гнева смахнул с классной доски писанину нерадивого ученика. Под ногами поскрипывала красная пыль.

Пол ощутимо шёл под уклон. Впервые оказавшись в этом коридоре много лет назад, Ноктавидант случайно нащупал в кармане невесть как завалившуюся там фруктовую косточку, которую шутки ради положил перед собой. Поначалу медленно, а потом все быстрее, косточка скатилась вниз. Когда он нашёл её, она лежала у двери, которую покрывали все те же незнакомые письма. Изваянная из багрового камня, эта дверь казалась вырезанной из глыбы застывшей крови. Он вспомнил, как с удивлением обнаружил, что выдыхает пар, в точности как один из тех курильщиков с пустыми глазами, которых можно было встретить на городских улицах после наступления темноты.

Когда он вошёл внутрь, оракул сидел, по-птичьи сложив кожистые крылья вдоль туловища: безволосая голова наклонена, подбородок касается груди. С такого расстояния он казался спящим, однако его сон вряд ли можно было назвать спокойным. Время от времени по телу оракула пробегала волна судорог, отчего десятки прозрачных трубок, расходящихся веером из-за его спины подобно второй паре крыльев, приходили в движение и начинали вибрировать подобно струнам гигантского музыкального инструмента. Большинство из них исчезали высоко вверху: они напоминали глумливые пуповины, с помощью которых в теле оракула поддерживалась жизнь. Буквально на глазах по одной из них вниз устремился поток бесцветной жидкости. Казалось, за спиной провидца раскрылся многоцветный веер: Ноктавидант наблюдал, как внутри трубок бегут ожерелья серебристых пузырьков.

Из одежды на оракуле была лишь набедренная повязка, протянутая между ног и завязанная на поясице узлом. Раньше клирик не раз обращал внимания на то, что должно было под ней находиться, однако под тканью не угадывалось ни малейшей выпуклости. Значило ли это, что оракул мог быть женщиной?

– Ты звал, – сказал он, удивляясь тому, насколько чуждо звучит человеческий голос в этом странном месте. Слова отражались от стен крипты причудливым многоголосым эхом, – Зачем?

Тело оракула в очередной раз содрогнулось. Звякнули цепи; на его лодыжках они заканчивались металлическими браслетами, разнять которые можно было только с помощью инструментов. Кожа под ними загрубела и стала темной словно пергамент, с которого соскоблили старый текст, а новый так и не написали. Ноктавидант был уверен, что оковы не снимали много лет, с того дня, когда израненного, но все ещё дышащего летуна нашли в неглубоком овраге позади городских ворот.

До этого крылатых видели нечасто. Считалось, они живут в городах высоко за облаками, и почти никогда не спускаются на землю. Однако в тот день случилось необычайное: полсотни или больше крылатых рухнули на землю в разных местах. Казалось, там, наверху, разразилась кровопролитная битва. А, может, им негде стало хоронить своих мертвецов, и они решили просто вышвырнуть их? В любом случае после падения тела выглядели так,

будто их кромсали ножами. Как выяснилось позже, у многих за спиной были связаны крылья, не оставляя ни малейшего шанса на спасение.

Ноктавидант повторил вопрос. Оракул поднял голову, его веки затрепетали. Потрескавшиеся губы разомкнулись – как если бы расступился слой песка – и оракул улыбнулся.

Длинная игла со звоном упала на дно металлической посуды, куда за последние пару минут отправился десяток ей подобных. По-прежнему не говоря ни слова, Ноктавидант наблюдал, как рубиновая капля на её конце превращается в облачко красноватого тумана.

Дюжина игл, думал он, дюжина капель крови. А раствор только слабо порозовел.

Ему так и не предложили сесть. Вокруг дымили жаровни, насыщая воздух десятком ароматов, но даже это не могло скрыть витающий в комнате желчный смрад. В окно задувал приносимый со стороны гавани лёгкий бриз, но и он не мог разогнать липкой жары, лишь слегка колебал прозрачную ткань занавесок – длинных и узких словно кто-то провёл по ним острыми когтями. Вид этих лоскутов наводил на мысль о вывешенных на просушку грязных бинтах. В углу стоял наполненный водой таз, на столике рядом – чашка с дымящимся питьём. Никто не потрудился погасить оплавленные до основания свечи, горевшие всю ночь напролёт, не говоря уже о том, чтобы соскоблить толстый слой воска. Казалось, он все ещё стекает по корешкам книг в кожаных переплётках, лежащих на столе, хотя свеча, забытая кем-то на самом верху стопки, давно догорела. Там, где названия читались, они говорили сами за себя: книги по философии, врачеванию, географии, древней истории. Ноктавидант изучал корешки, пока его не отвлек мелодичный звон – на дно судна упала очередная игла.

Его собеседник первым нарушил молчание:

– В старину верили, будто мысль, если предаваться ей слишком долго, в итоге способна обрести жизнь. Материализуется. Воплощается. И отправляется скитаться по свету, – Голос принципала звучал глухо из-за покрывавшего лицо влажного полотенца. В жаркие дни, как этот, рядом неизменно присутствовал раб, каждые несколько минут смачивающий ткань прохладным вином, – Иные даже начинают преследовать своих хозяев.

Клирик пожал плечами:

– Эта мысль не из таких.

– В самом деле?

Ноктавидант не знал, требуется ли отвечать, поэтому промолчал.

– Что поведал оракул?

– Только то, что мы уже знаем.

– Да, да, – принципал нетерпеливо махнул рукой, и на его пальцах сверкнули рубиновые геммы, – Что-то происходит. Это всем известно.

Ноктавидант наблюдал, как раб подносит к судну очередную иглу, сжимая её между большим и указательным пальцами с такой осторожностью, будто в любой момент она могла вывернуться и впиться ему в запястье.

Тем временем занавеска в задней части комнаты бесшумно сдвинулась, и в образовавшийся проем проскользнула пара других рабов. В руках у одного была наполненная ароматным маслом чаша; тот, что шёл следом, нёс ворох чистых тряпиц.

Это была самая неприятная часть процедуры. Отвернувшись к окну, Ноктавидант принялся смотреть на раскинувшийся внизу город. По правую руку сверкали воды залива. Вплотную к ним подступали расположенные под строгими углами улицы. Вдоль дорожек

росли кипарисы, крохотные фонтанчики чередовались с беседками из камня, где прохожие могли отдохнуть от дневной суеты и обсудить дела. Дальше к востоку располагались здания храмового квартала, самым высоким из которых был храм Всевоплощённого. Даже с такого расстояния блеск его покрытых глазурью и золотом башен был невыносим для глаз. Взгляд клирика бесцельно блуждал по рыночной площади внизу, по палаткам торговцев, по ярко раскрашенным шатрам предсказателей будущего. В городе, подобном этому, вы могли пойти на рынок и за пару монет выслушать десяток прорицателей: астрологов, толкователей будущего по кругам на воде, по движению птиц в небе, при помощи цифр, гадателей, ясновидящих и прочих философов. На дорогах во все времена хватало бродячих пророков, а капитаны кораблей по-прежнему высоко ценили предсказателей погоды, которых можно было узнать по ярко-жёлтым одеждам. В любое время года в порту было не протолкнуться от людей в канареечных нарядах.

Отсюда была хорошо видна та часть рынка, где торговали дарами моря. Ноктавидант помнил тяжёлые корзины рыбы и креветок, которые ему приходилось выносить на продажу каждое утро, а с наступлением темноты прятать под навес. Поставленные друг на друга, они превращались в своеобразные перегородки, между которыми на ночь расстилали тюфяки. Порой, засыпая, он слышал, как в корзинах ворочается и бьётся ещё живая рыба.

Когда Ноктавидант повернулся, рабы уже ушли, захватив с собой таз и тряпицы; судно с его содержимым тоже исчезло. Пропитанное вином полотенце лежало на полу, а сам принципал вытирал лицо куском ткани.

– В некоторых из этих книг, – принципал обвёл комнату взмахом руки, одновременно отбрасывая в сторону тряпку, – Говорится, что будущее не может быть предопределено. И все потому, что человек якобы наделён свободой воли.

Ноктавидант указал на горящую свечу.

– Я знаю, что она догорит.

– Или же её задуют, – отрезал принципал, – Судьба – не больше, чем камень, брошенный рукой мертвеца. Можно лишь предполагать, как далеко он полетит, и когда упадёт.

Ноктавидант пожал плечами. Он и сам не раз задумывался над этим. Обладая свободой воли, а соответственно – свободой делать выбор, человек был способен влиять на будущее, которое менялось с каждым принятым решением. Следовательно, никакой предопределённости быть не могло. Однако что, если свобода воли – всего лишь иллюзия? Как ни странно, во все времена находились те, кто допускал подобное.

Принципал отхлебнул вина, подержал во рту, а затем выплюнул в стоявший рядом кубок, где уже набралось достаточно напитка, покрытого шапкой белой пены. Позже это вино вместе с объедками с хозяйского стола продадут на рынке, где их купят за треть или половину первоначальной цены.

Краем глаза клирик уловил движение, всколыхнувшее тьму на границе света и тени, а вслед за тем из угла выступила фигура. Проклиная себя за неосторожность, Ноктавидант шагнул от окна.

– О, это вовсе не обязательно, – произнёс незнакомец.

Голову вошедшего покрывал капюшон, который тот откинул, едва ступив в круг света.

Внезапно без всяких на то причин Ноктавидант вспомнил, как в детстве был вынужден три дня провести в тёмном пространстве под досками пола, а наверху пьянствовали и смеялись вендарские солдаты. Каждый час приводили какого-нибудь бедолагу, и под ликующие возгласы перерезали ему горло. Иногда несчастных оказывалось двое: им вручали

оружие и заставляли драться. Кровь заливала все вокруг; она просачивалась между досками пола, капала Ноктавиданту на лицо, стекала по груди. Вскоре земля под ним стала влажной. В те минуты, когда он проваливался в беспамятство, ему казалось, что он тонет в ней. Будто некая милосердная сила старалась перенести его как можно дальше от этого места.

Однажды – это случилось на исходе третьего дня – раздался удар, а затем глухой стук. Разбуженный шумом, маленький Нокта пришёл в себя. Он давно ничего не ел и не пил, а поэтому терял сознание все чаще. Теперь он наблюдал, как очередной несчастный валится на пол прямо над тем местом, где он прятался. Когда тот упал, в щель между досками стал виден его глаз; наверняка когда-то он был серым или голубым, однако сейчас все затянула кровавая плёнка.

Чем дальше Нокта всматривался, тем более осмысленным ему казался этот взгляд. Поначалу он видел в нем лишь печаль, словно в момент расставания с жизнью несчастный не испытывал ничего, кроме скорби, затем во взгляде проявился немой укор. Не в силах больше выдерживать, Нокта зажмурился, а когда вновь открыл глаза, увидел, что печаль и осуждение ушли, уступив место чему-то другому. Теперь в немигающем взгляде читался гнев.

Нокта буквально вжался в пол. Ему стало казаться: ещё мгновение, и незнакомец встанет на ноги и примется громкими криками призывать солдат, указывая на щель в половицах. Он уже почти слышал, как солдаты бегут, чтобы выломать доски пола... А затем рядом опустился чей-то сапог и тело несчастного оттянули в сторону.

Все завершилось.

Это и многое другое проскользнуло перед мысленным взором Ноктавиданта в считанные мгновения, оставив после себя лишь смутные воспоминания: запах земли, биение крови в ушах, странный солоноватый привкус во рту и звук, с которым мёртвое тело тащили по шершавым доскам.

Внезапно он понял, что мёртвой хваткой вцепился в подоконник и почти перевалился наружу. До площадки внизу было далеко. Мгновенная смерть.

– Ха! Явно не видения плясуний Эскалана заставили его пытаться выброситься в окно! – принципал выглядел довольным, – И почему только эти кураторы не могут создать что-то приятное?

Человек в капюшоне попытался сказать, но принципал остановил его движением руки.

– Редко кто отзывается о вашем мастерстве лучше. В Аскерроне один такой предостерегал от грядущего землетрясения своеобразным способом: посылал видения катастрофы членам городского совета. А кому понравится видеть, как он сам, его семья и дети, а вдобавок все имущество проваливаются в какую-то дырку в земле? Поэтому беднягу заживо похоронили в выгребной яме, и каждый горожанин, присев на корточки, чтобы справить нужду, отдавал ему должное. А спустя месяц землетрясение действительно случилось. И наводнение. Корабли в бухте взмывали к небу и падали прямо на головы. Говорят, тамошнего принципала убило рухнувшим с неба веслом – на его беду, он первым прибежал в порт.

Принципал отхлебнул вина, покатал напиток во рту и вновь сплюнул. Выпить захотелось и Ноктавиданту. Во рту пересохло так, что он не отказался бы отхлебнуть даже из того, второго кубка. Однако он вряд ли мог рассчитывать даже на это. Наверняка вино было дорогим, и когда содержимое кубка окажется на рынке, в желающих не будет недостатка. Все захотят удивить гостей дорогим напитком, не сказав ни слова о том, что

единожды он уже был кем-то «выпит».

– И все же было бы лучше, окажись эти видения чуточку более приятными, – принципал допил вино, сплюнул и поставил оба кубка рядом. Тут же появился раб, который забрал посуду со стола.

Только сейчас Ноктавидант понял, что воспоминания ему не принадлежали. Вендарская резня случилась более полувека назад, и теперь о ней можно было разве что прочесть в хрониках. По слухам, кровавое безумие привлекло демонов Гастра, разрушивших шиванский материк до основания. Он и сейчас тлел в глубине под слоем многократно сгоревшей почвы.

Ноктавидант потрянул головой: для того, чтобы прийти в себя, ему требовалось время. Куратор в покоях принципала? Страже давно следовало быть здесь. Однако он не слышал ни криков, ни грохота сапог на тесных лестничных пролётах, всегда отлично освещённых, чтобы ни одна живая душа не могла притаиться в тени.

Он подумал о сделке, которую могли заключить эти двое. На миг ему показалось, будто он смотрит сверху на партию в игре, смысла которой не понимает. Точно так же, будучи ребёнком, он смотрел на действия менял в порту или на то, как торговцы проворачивают сделки: цветные камешки, обозначающие вес и цену товара, переходили из руки в руки по некой таинственной схеме, пока бегающие туда-сюда маркировщики помечали мелом корзины с уловом.

Ветер принёс снаружи запахи моря. Если прислушаться, можно было различить шум волн и крики чаек, кружащих над гаванью. Такие мелочи возвращали к реальности, играя роль своеобразного якоря: если заблудишься в воспоминаниях – неважно, своих или чужих, всегда будет за что зацепиться. И Ноктавидант решил не выпускать всего этого из виду, удерживая каждую мелочь на границе восприятия.

Никто в точности не знал, откуда берутся эти «воспоминания» и действительно ли они принадлежат реальным людям. Один торговец с севера, которого Ноктавидант повстречал несколько лет назад, утверждал будто все имеющиеся у человека знания, опыт и даже воспоминания неким образом можно выделить, отфильтровать и дистиллировать, как это делают со своими реагентами алхимики. Он даже показывал запечатанные воском бутылочки, доставая одну за другой из изящного ящичка черного дерева. *Души*. Теперь Ноктавидант вспомнил: он называл их *душами*. Одну торговец откупорил прямо при нем и вылил несколько капель себе в рот. Ноктавидант тогда подумал, каковы воспоминания на вкус? Смешались ли воедино горечь пролитых слез, солоноватый привкус пота на холодеющей от страха коже? Он не успел спросить ни о чем подобном. Торговец исчез так же быстро, как и появился.

– В приятных видениях, как и в простых вещах, мало пользы, – куратор сделал движение рукой, словно отгоняя назойливую муху.

– Как и в слишком легко брошенных словах.

Клирик видел, как на лице куратора проступает злоба – словно наползает тьма. Как будто лопнула невидимая пуповина, стягивающая кожу в подобие человеческого лица, и наружу показались бугры костей и узлы мышц. Не об этом ли предупреждал оракул?

– Возможно, слова вообще бесполезны. За исключением тех, что сказаны опрометчиво. Последние словно кинжалы, выхваченные из ножен: не знаешь: бить или вложить обратно.

Ноктавидант оставил насмешку без внимания. Слова. Всего лишь слова. Даже мнимые воспоминания – и те были фальшивкой.

Куратор отступил в тень:

– Иные слова подобны наковальням, падающим с неба.

Внезапно клирик со всей ясностью различил стук молотка далеко внизу и то, как скрипят канаты, на которых строители перетаскивали каменные блоки.

Принципал поднялся со своего кресла.

Ноктавидант смотрел, как тот идёт к окну, тяжело ступая босыми ногами по плиткам пола, ставит руки на подоконник, взбирается на него. Спустя мгновение этот тучный человек уже стоял на подоконнике, вытянувшись во весь рост. Ещё мгновение – и он шагнул вниз.

Снизу раздались крики, топот, кто-то звал на помощь.

Ноктавидант выглянул из окна. Он ожидал увидеть тело принципала, распластанное внизу, но вместо этого стал свидетелем другой кровавой сцены. Похоже, что один из волов, тянущих подводы с гранитными блоками, оступился и упал. От удара подводу развернуло, и тяжёлая глыба опрокинулась, придавив несчастное животное. Положение осложнялось тем, что нога шедшего рядом погонщика запуталась в канатах. Разъярённый от боли вол бил копытами по воздуху и каждый, кто оказался рядом, рисковал получить удар, сравнимый с ударом молота по наковальне. А без посторонней помощи шансов выбраться у погонщика не было...

Когда Ноктавидант обернулся, принципал сидел на прежнем месте. Клирик уже догадался, что видение было подделкой – все, кроме, может быть, кровавых событий снаружи – с улицы все ещё доносились крики бедного животного. Ещё одна иллюзия. *Иные слова подобны наковальням.*

– Беда в том, что никогда не знаешь, на чью голову рухнет следующая, – закончил Ноктавидант и только потом отступил от окна.

Наверняка у ангела было имя, но Ноктавидант никогда не пытался его узнать. Точно так же, как находясь в крипте, он оставался просто клириком. Астрологи утверждали, будто имя человека определяет всю его дальнейшую судьбу. Ноктавидант подумал, что так и не узнал имени куратора. Называл ли он своё?

Теперь они оказались вдвоём. Принципал остался наверху на попечении рабов: спустя некоторое время после того, как на глазах у Ноктавиданта он «выпал» из окна, а на самом деле остался сидеть в кресле, рабы вернулись, и у каждого было по металлическому лотку, а игл стало в два раза больше. Покидая комнату вслед за куратором, клирик думал, что с радостью дождался бы момента, когда рабы проткнут кожу толстяка, а затем вбил бы иглы в его тело пинками.

Знал ли оракул об их приходе? Наверняка. Ожидал ли, что в определённый час дверь откроется и войдут двое?

Вопросы, вопросы, вопросы.

Было ли это доказательством предопределённости? И каким образом ходу событий могла помешать простая случайность?

Опять вопросы без ответа.

Мог ли он обойти куратора сзади, а затем одним ударом лишить его сознания, а может, и жизни? Оракул предвидел такую возможность? Или то, что он до сих пор этого не сделал и было ответом на вопрос?

Значило ли это, что ничего подобного он не сделает ни при каких обстоятельствах?

Когда они вошли, оракул спал или делал вид, что спит.

– Она слышит нас? – спросил куратор.

Она. Значит, он тоже считал, что оракул – женщина. В очередной раз Ноктавидант всмотрелся в ангела, пытаясь отыскать в облике оракула женские черты.

Тело ангела было абсолютно лишено волос, ноги были тонкими и короткими, грудь – плоской, талия – узкой. Скулы были высокими, нос удивлял точёной формой, сложенные в лёгкую ухмылку губы тоже напоминали женские, как и глаза – раскосые, миндалевидной формы. Сейчас они были скрыты тонкими бескровными веками.

Ноктавиданту не было и шестнадцати, когда он впервые увидел оракула. Теперь ему перевалило за сорок. За все прошедшие годы ангел нисколько не изменился. Был ли срок жизни у этих существ? Или, возможно, они жили настолько долго, что старение затягивалось не на годы и десятки лет, а гораздо дольше?

Никто не мог точно сказать, как стало известно, что ангел способен предсказывать будущее. Возможно ли, чтобы он был не единственным представителем своего рода, кто обладал подобным умением? Ноктавидант пытался представить, какой странной наверняка должна жизнь в Небесных городах. Только сейчас он понял, что никогда не пытался разузнать у оракула больше, чем требовалось для дела.

Большую часть времени за оракулом следили скрипторы. Их зал располагался на уровень выше крипты, и был соединён с нею крохотными слуховыми окошками. Скрипторы выслушивали предсказания оракула, затем отстукивали их на клавишах машин, подсоединённых к устройствам несколькими этажами выше. Эти устройства переносили текст на бумагу; после этого уже другие практики запечатывали узкие полоски бумаги

в специальные медные конусы, снабжённые замком с цифровым кодом. Эти зашифрованные сообщения передавались вверх, все выше и выше, пока не достигали покоев принцепала, где их вскрывали. Сам Ноктавидант не раз думал, что будущее больше похоже на тёмный лес, через который проложены множество троп. Проще говоря, пока конус запечатан и послание находится внутри, у грядущего существуют потенциальные варианты. Однако стоит капсулу вскрыть и прочесть написанное, как лес превращается в единственное дерево.

Интересно, что на это сказали бы философы?

Иногда оракул призывал его и сообщал что-нибудь лично. В таких случаях обходились без капсул, бумаги и механизмов. Впрочем, эти встречи случались редко и обычно не длились слишком долго. Теперь он не мог вспомнить, чтобы когда-либо спускался в подземелье дважды в один и тот же день.

– *Он слышит*, – ответил Ноктавидант, по-прежнему говоря об оракуле в мужском роде.

Подойдя ближе, он взялся за звенья цепи, которой была прикована лодыжка узника, и потянул. Оракул открыл глаза.

Ноктавидант успел заметить, как взгляд узника метнулся в сторону, а затем на его собственный затылок обрушился удар. Падая, клирик подумал, что рухнет прямоком в объятия ангела. За мгновение до того, как сознание покинуло его, он увидел, как оракул распахивает крылья навстречу, готовый принять его как брата, как сына, как...

ГРЕХИ ПРАВЕДНИКОВ, ДОБРОДЕТЕЛИ ЧУДОВИЩ

Внутри экипажа Энсадум смог хотя бы согреться. Внезапно он понял, насколько холодно было в доме. Казалось, особняк вообще не отапливался, впитав весь холод снаружи. Сейчас же в его тело постепенно возвращалась чувствительность, а вместе с ней – и чувство голода. Внезапно Энсадум понял, что не ел со вчерашнего вечера. Кроме того, вернулась усталость. Некоторое время он пытался читать, но единственная книга, которой нашлось место в его и без того заполненном саквояже, была справочником по медицине, и он захлопнул её на третьей странице. Спустя некоторое время он незаметно для себя погрузился в дрему, и в этом сне ему пригрезились странные заброшенные здания, населённые мертвецами.

Он проснулся от сильного толчка. Сначала его бросило вперёд и он едва не врезался в стоящую напротив скамью, а затем та же сила отшвырнула его обратно, и он приложился затылком о стенку экипажа. Раздался глухой удар, затем повозку резко накренило в сторону. Его саквояж полетел на пол, а следом – и он сам. Ржали лошади. Возница бранился. Сообразить Энсадум не успел. Пол внезапно оказался вверху, а потолок внизу. Он лежал, прижатый к его тряпичной обивке саквояжем.

Снаружи доносились голоса, однако единственный звук, который практик слышал отчётливо – был стук капель где-то совсем рядом. В воздухе стоял запах химических реактивов. Значит, досталось не только ему, но и саквояжу. Оставалось надеяться, что склянки не сильно пострадали.

Голоса стали громче. Затем кто-то повернул дверную ручку и рывком распахнул дверь. Энсадум наблюдал, как она открывается над его головой, словно люк.

Сначала он увидел огромную луну – её шар напоминал очертания ухмыляющегося черепа – оказалось, уже наступил вечер! А затем в поле его зрения возникла другая похожая округлость: чья-то голова.

Мгновение его без всякого любопытства буравила пара любопытных глаз, а затем голова повернулась, видимо обращаясь к тому, кто ожидал результатов инспекции:

– Он здесь!

Да уж, подумал Энсадум, куда ему ещё деться?

К нему потянулись чьи-то руки и вытащили из повозки. Кто-то сунул в лицо горящий факел, словно желал удостовериться, что перед ним именно тот, кто нужно. Сквозь пелену тумана Энсадум разглядел незнакомые лица, ощутил запах собственных подпалённых волос. Тот же человек, что вытащил его наружу, взялся за ручку саквояжа.

Энсадум сделал слабую попытку воспротивиться этому, но его руку грубо оттолкнули. Самого его бросили на землю рядом с перевёрнутой повозкой. И словно в довершение всего, чтобы унижение вышло как можно более полным, кто-то наступил сапогом ему на грудь.

Оказавшись на земле, он увидел лежащую рядом лошадь, которая делала слабые попытки подняться. Дыхание облачками вырывалось из неё рта, пока один из людей не подошёл ближе и не перерезал ей сонную артерию. Всё было проделано одним движением, словно тот человек привык экономить силы, и Энсадум моментально подумал, что другие практики, а тем более кураторы, оценили бы это качество.

Затем, все ещё сжимая в руке нож, с которого стекала кровь, он повернулся к Энсадуму.

Сколько раз он сам рассекал плоть и мышцы, извлекал органы, сливал кровь и ни разу

не задумался, чьё перед ним тело? Если ему сейчас перережут горло как той лошади, куда денется его собственная кровь? Стечёт вниз, впитается в землю, в одежду? Окрасит багровым страницы книги, которую только что достал из саквояжа, а затем презрительно отшвырнул в сторону один из нападавших... Ощущая, как жёсткие камешки колют щеку, впиваются в висок, Энсадум видел, что брошенная книга распахнулась на вкладке с цветным изображением человеческого скелета, словно сама смерть грозила ему со страниц фолианта...

Однако ему не перерезали горло – по крайней мере, пока. Вместо этого один из людей подошёл и пинком перевернул его на спину. Движение отозвалось болью в боку, и Энсадум застонал.

– Этот ещё жив.

– Оставь его.

– Но ведь...

– *Оставь.*

Энсадум наблюдал, как трое разворачиваются и уходят, прихватив его саквояж. Четвёртый задержался и некоторое время пристально смотрел на Энсадума. В свете факела его глаза казались горящими углями.

Так ничего и не сказав, незнакомец ушёл. Энсадум остался один. Если бы он мог, то наверняка закричал бы им вслед, даже если бы на это ушло его последнее дыхание. Но, к сожалению, был не в силах сделать даже этого. Вскоре вся четвёрка скрылась. Огоньки их факелов ещё продолжали мелькать вдали, но спустя какое-то время и они исчезли.

Ещё никогда ему не было так плохо. Казалось, в его теле сломана каждая косточка.

Повозка лежала на боку, частично похоронив под собой лошадь. Теперь Энсадум видел: посреди дороги была яма, в которую и угодил скакун. Скорее всего, он тут же переломал себе ноги, а остальное доделала повозка, которую было уже не остановить.

Подойдя ближе, Энсадум заглянул внутрь. Яма была вырыта заранее. Её замаскировали, а остатки земли попросту разбросали вокруг. Возницы нигде не было. Либо его выбросило при падении, либо он попросту сбежал...

Поверить в это было легче, чем в то, будто кто-то решил покушаться на его саквояж, ведь ничего ценного внутри не было.

...Или?

Конечно, инструменты не в счёт. Насос, несколько колб, старая медицинская книга – все это не представляло ценности. Как и его блокнот для рисования.

Тогда что? Содержимое колб?

Половина из них, должно быть, разбилась при падении.

Оглядевшись, он увидел всю ту же безжизненную пустошь, что и раньше. Сколько он уже в пути? Сутки? Двое? За эти часы, которые тянулись бесконечно, он стал даже привыкать к виду окружающего запустения.

Заглянув в повозку, он не смог обнаружить ничего, что могло бы ему пригодиться.

У него оставался единственный выход – попробовать отыскать следы повозки и по ним вернуться к особняку. Но этого не сделаешь ночью, придётся ждать рассвета.

Стремительно холодало. Энсадум с тоской подумал о небольшом костерке. Будь у него саквояж, где хранилась спиртовка с остатками горючей жидкости, спички и прочее, он мог бы разжечь огонь, пустив на дрова дерево с повозки... И даже побаловать себя кониной.

Но чего нет, того нет.

Чтобы не замёрзнуть окончательно, он забрался в повозку и принялся ждать утра.

Обычно на работу практиками нанимались либо студенты-медики, которые почти всегда нуждались в деньгах, либо лишившиеся собственного дела врачи. Никто не стремился стать практиком, и для многих это была временная, грязная и в чём-то позорная работа.

Энсадум знал, что многие из его «коллег» стали практиками случайно. Некоторые были игроками и почти весь свой заработок тратили на то, чтобы отдать старые долги и завести новые. Другие употребляли белую смолу и в прошлом имели проблемы с законом. Кроме того, Энсадум знал, что почти все они промышляют продажей эссенции.

Стоимость нескольких капель того, что некоторые называли «эликсиром душ», равнялась недельному заработку рабочего в порту.

Что до самих практиков, то подобная деятельность служила неплохой прибавкой к жалованию. Вряд ли кто-то заметит недостачу одной – двух склянок. За все время пребывания в стенах Курсора, Энсадум ни разу не видел, чтобы ёмкости пересчитывались. С них даже не сметали пыль. Сотни подписанных этикеток с именами тех, чьи воспоминания хранились в законсервированном виде, попросту отвалились и истлели. Некоторые пожелтели и свернулись, надписи на них никто не обновлял, и в результате имена оказались утраченными.

Возможно, где-то и был каталог всего того, что хранилось в пределах Курсора, но Энсадум никогда не слышал о существовании такового.

Творить алхимию, способную превратить обычную кровь в волшебный эликсир, были способны лишь кураторы. Не раз другие химики и даже алхимики пытались воссоздать формулу превращения, однако мало кому удавалось хотя бы близко подойти к успеху.

Многочисленные попытки сделать это обращались десятками смертей. Людей находили лежащими в подворотнях, плавающими в городском канале, подвешенными за ноги в самых темных закоулках ремесленного квартала. Однажды обнаружили склад, полный мертвецов – всех их обескровили, перерезав горло и дав крови свободно стекать из рассечённых шей. Куда пошла эта кровь, сомнений не оставалась.

Эксперименты подпольных алхимиков не ограничивались только этим. Многие «изобретали» все новые способы превращения крови в эссенцию: пропускали через неё электричество, смешивали с другими жидкостями, кислотами, ядами, выпаривали до твёрдого состояния, делая странные вещи – что-то напоминающее состоящие из запёкшейся крови ветвистые заросли кораллов, произрастающие прямо из медицинской колбы. Последние ценились как предметы искусства, украшая интерьеры домов богачей. Странное и жуткое это было зрелище.

Место, где содержались души, называлось Курсор.

Его здание имело округлую форму и было укрыто куполом, который внутри поддерживали колонны, образующие замкнутую галерею. В полумраке за ними, словно специально скрытые от людских глаз, размещались стеллажи, на которых располагались сосуды с эссенцией. Сколько их было, никто не мог сказать точно. Может, сто тысяч, может, больше. Сосуды различались по форме и размеру. Одни были наполнены до краёв, в других осталось совсем немного мутной жижи на самом дне. Некоторые и вовсе были пусты.

Поэты превозносили возможности кураторов и сам Курсор, называя его вместилищем человеческого опыта. Учёные говорили о нем как о хранилище знаний сотен тысяч людей.

Порой, входя под крышу амфитеатра, Энсадум размышлял о том, чтобы разыскать ёмкость с эссенцией, принадлежавший брату. Ведь он совершенно точно помнил, как выглядел потяжелевший и раздутый саквояж практика.

Возможно ли, что теперь это был один из тех безымянных сосудов? А, может быть, один из кураторов уже отведал из него? *Что он увидел?* Почувствовал ли себя больным, немощным? Испытал боль глубоко в костях, когда их выкручивает неведомая сила? Ощутил ли он безумие брата, когда боль становилась невыносимой, а разум соскальзывал в пропасть...

Вряд ли кто-то решится на подобное по собственной воле. Не считая кураторов.

Некоторые полагали, что они питаются чужими страданиями – в *буквальном смысле*. Энсадум не знал, так ли это, но был уверен: кураторы нуждаются в тех впечатлениях, которые получают от воспоминаний о чужих мучениях. И дело здесь не в страданиях как таковых. Возможно, эти странные существа, которые бродили по лабиринтам Курсора, и вовсе не были способны испытывать эмоции.

Не по этой ли причине они так интересовались любыми их проявлениями? Это могло бы стать ответом и на другой вопрос: почему именно страдания, боль, смерть? Утончённые эмоции куда труднее постигнуть и изучить. Гораздо привычнее и понятней ненависть, злоба, отчаяние, страх смерти, и наконец, сама смерть – печальный итог жизни, перед которым бессильно все остальное.

Однажды находясь в амфитеатре, Энсадум услышал звон стекла. Завернув за угол, он обнаружил перед собой одного из кураторов. Тот как раз вытирал губы. Неподалёку лежал один из сосудов с эссенцией. Выглядело все так, будто куратор выпил содержимое склянки, а саму её просто швырнул в сторону. По случайности сосуд не разбился о плиты пола, а всего лишь откатился в сторону. Энсадуму не было нужды присматриваться, чтобы понять: тот абсолютно пуст.

Ещё никогда он не видел такое количество быстро сменяющих друг друга выражений: удивление, испуг и наконец, гнев. Куратор зашипел – в *буквальном смысле*, а затем подался вперёд, будто хотел ударить его. Энсадум отшатнулся, но было поздно – его настигла волна непередаваемой злобы. Он ощутил, как вверх по телу ползёт холод, и его цепкие щупальца готовы ухватиться за каждый волосок, за каждую неровность на коже.

Внезапно он увидел собственные ноги в половине сажени над землёй, и почувствовал, как что-то сдавливает горло.

Когда до него наконец дошло, что происходит, он обнаружил, что зажат в тесном углу между стеллажами. Его пальцы были сомкнуты на собственном горле, и лишь спустя несколько долгих мгновений ему удалось разжать их.

Куратора и след простыл. Пустая склянка тоже исчезла.

Это происшествие стало ещё одним довеском к многочисленным пугающим фактам и слухам о том, кто такие кураторы.

Многие полагали, что они вовсе не люди.

Другие утверждали, будто кураторы не имеют собственной крови, и поэтому вынуждены *пить* эссенцию, полученную из тел мертвецов.

Третьи полагали, что таким образом кураторы усваивают воспоминания.

Энсадум знал, что по-своему правы все они, но ближе остальных к истине – именно последние. Ни одна фантазия не может быть *настолько* реальной. Сомнений не оставалось: то, что он испытал в тот день, было чьим-то опытом. Кто-то до него пережил все это,

испытал на себе, а потом... Погиб. Жидкости были извлечены из его тела и переработаны согласно Процессу. Было совершено Превращение.

Возможно, в том, что его родители навсегда потеряли возможность оказаться в стенах Курсора, было что-то хорошее...

Оба погибли в пылающем дирижабле, и их кровь испарилась вместе с кровью трех сотен человек. Не осталось даже костей, которые можно было похоронить.

Так в одночасье страна лишилась почти полусотни представителей богатейших семейств. Большинство этих людей являлись членами правительства или крупными торговцами, немало среди них было учёных и деятелей искусства. Подозревали поджог или одну из тех бомб, которые взрывают смертники, поскольку мало кто верил, что судно такого размера может уничтожить простая *случайность*.

Энсадум хорошо помнил тот день. Вместе с няней он был одним из тех, кто оказался на причальной платформе, ожидая прибытия дирижабля.

Поначалу он не видел ничего странного – лишь точку в небе, которую можно было принять за одиноко парящую птицу, но затем стоявшие рядом люди стали возбуждённо переговариваться, указывая куда-то вверх. Послышались первые возгласы. Теперь все взгляды были прикованы к этой самой точке, которая стала растягиваться, будто кто-то наклонил лист бумаги с упавшей на него чернильной кляксой. Очень скоро Энса понял, что видит шлейф дыма: дирижабль горел.

Больше никто не переговаривался. Толпа за его спиной выдохнула как единый организм. Женщины прикрывали рты руками, мужчины прикладывали ладони ко лбу. На его плечо легла чья-то рука, но Энса стряхнул её, вырвался и побежал к краю платформы...

В АЛОМ СВЕТЕ СЛЕПОТЫ... Я ВИЖУ ВСЁ

Ощущение было таким, слово в глотку ему запихнули горсть битого стекла. Минуту Энсадум приходил в себя: медленно разлепил сначала один, затем второй глаз, ощупал языком пустое место, где недавно находился зуб.

Наружу из перевёрнутого экипажа он буквально вывалился, а затем некоторое время лежал, глядя в серое небо над собой. Неподалёку ветер трепал брошенную накануне книгу. Теперь с раскрытой страницы на него уставился, насмехаясь, одинокий глаз.

Что ты видел?

Если бы на его нарисованной сетчатке могло сохраниться хоть что-нибудь из увиденного! Однажды Энсадум посмотрел в глаз мертвеца и увидел бледное, перекошенное от страха лицо. Только спустя мгновение он понял, что смотрит на собственное отражение...

Если бы могли точно таким же образом заглянуть в будущее и предвидеть последствия своих действий... Впрочем, кто знает, какие именно из поворотов судьбы приводят к тем или иным результатам?

На коже и одежде кровь успела свернуться, немного её впиталось в обивку, образовав острова бурых пятен.

Тяжелее всего оказалось разогнуть затёкшие конечности. Скрюченной позе, в которой он пришёл в себя, трудно было подобрать название. Левая рука почти не двигалась, правая двигалась кое-как. Ногам досталось меньше, однако за ночь обувь сдавила распухшие ступни таким образом, что Энсадуму стало казаться, что он больше никогда не снимет башмак

и не наденет новый. А нога на всю оставшуюся жизнь останется кривой и узловатой, как корень дерева.

Он мог бы вернуться по следам от колёс повозки, как и планировал накануне. Выбравшись наружу и оглядевшись, он не обнаружил ничего нового. Все та же безжизненная серая пустошь – камни и мох, влажная почва и островки снега.

К счастью, за ночь снега выпало мало, и следы от колёс были хорошо различимы. Особенно отчётливыми они становились неподалёку от того места, где лежала опрокинутая повозка. Обе полосы от колёс там причудливо изгибались, переходя в подобие запятой, или финального росчерка, поставленного уверенной рукой. Энсадум с тоской подумал, что этот росчерк мог стать последним в его жизни.

Вдалеке по-прежнему висел туман. Энсадум подумал, что он никуда и не уходил, просто время от времени отступал, а спустя какое-то время возвращался. Пелена была сплошной. В ней не угадывалось никаких черт, как например, в городе, где тоже бывают туманы, но почти всегда за белой дымкой прячутся здания и уличные фонари, очертания которых неизбежно проступают. А здесь – ничего. Ровная серая хмарь, словно кто-то разбавил в стакане воды каплю черной акварели.

Довольно долгое время шорох мелкого камня под его ногами был единственным звуком, который сопровождал Энсадума. Некоторое время он пробовал говорить вслух что-то ободряющее, без особого успеха.

Вслед за этим Энсадум попробовал считать шаги – главным образом за тем, чтобы сопротивляться одолевающей силе холода, но быстро сбился.

Тем временем рядом с предыдущими полосами от колёс появились следы копыт.

С тех пор как использовать любые механизмы от самых простых до сложных стало невозможно, а основным средством передвижения вновь, как и некогда, стали лошади.

Поезда, автомобили, корабли – все пришло в негодность.

Энсадум помнил, что такое автомобиль. Или паровоз. В детстве они с отцом раз или два садились в «повозку» без лошадей, и на четырёх колёсах. Правил сам отец, и руки его при этом были одеты в черные перчатки, а на лице громоздились большие авиационные очки. Впрочем, пользовался он автомобилем скорее для развлечения, чем для поездок куда-нибудь на дальние расстояния. Для этого использовали поезд. Энсадум хорошо помнил, как они с отцом и матерью поднимались по ступеням вагона, а затем шли по узкому коридору, где с одной стороны располагались двери купе, а с другой – широкие окна из обрамлённого металлом стекла.

Он помнил чрево поезда: сплошь деревянные панели с редкими вкраплениями металла и хрусталя; помнил тихий шорох открываемых дверей. И запах! Особенно – запах. В поезде пахло всем и сразу: мазутом, деревом, кожей, а ещё – солнцем, выпечкой, свежей газетой, только что сваренным кофе. Эти запахи напоминали ему о доме. Оно и неудивительно: путешествие из одного конца в другой могло длиться неделями, и люди буквально жили в своих купе.

Рельсы были проложены не только по всему Аскеррону, но вели в Заворащ, и даже на территорию Мензаррабана, где степи постепенно переходили в пустыню. Будучи ребёнком, Энса неоднократно задумывался над тем, где же все-таки заканчиваются железнодорожные пути. Возможно, они обрываются где-нибудь у болот Зазулы? Или тянутся по Тантарону ещё некоторое время, петляя между топей, покуда окончательно не погрязнут в трясине? Или исчезают под песчаными наносами Мензаррабана подобно диковинным

стальным змеям, зарывающимся в пологие склоны барханов?

Казалось, что на поезде можно было объехать весь мир, что все пути связаны друг с другом.

Энсадум шёл уже почти час, думая о том, сколько бы времени понадобилось ему, будь он на автомобиле или, скажем, на поезде. Или верхом на лошади, как те налётчики. Передвигались они явно на лошадях, затем оставили их где-то неподалёку, подготовили ловушку и принялись ждать. Сколько они так ждали, сказать было сложно. Что же *действительно* было нужно тем людям. В голову шёл только один ответ: саквояж. Вернее, его содержимое.

Значит, кому-то понадобилась кровь того человека.

Только сейчас Энсадум начал задумываться, каким же образом он получил это задание. Ничего конкретного ему вспомнить не удавалось. Нужно было всего лишь добраться в определённое место и взять кровь. Ни имени умершего, но имён его родственников практику знать не положено. Это не запрещено, просто никто не вникает так глубоко. По идее, практика не должна интересоваться даже причина смерти человека. Практик – не слуга закона, не в его компетенции устанавливать справедливость и вершить правосудие.

Зябкий сырой воздух пробирал до самого нутра. Теперь Энсадуму казалось, что понадобится бочка угля и камин размером с жерло вулкана, чтобы изгнать из его тела весь этот холод.

Страшно хотелось пить.

За десять или пятнадцать шагов Энсадум насобирал несколько пригоршней снега, который ещё не успел растаять, и сунул его в рот. Снег имел привкус железа.

Неизвестно, сколько он шёл. Может быть, всего пару минут, а может и несколько часов. Энсадум давно утратил счёт времени и лишь слабо представлял себе, куда идти. Спасением могли быть следы от колёс злополучной телеги... Но теперь он потерял и их.

Туман мешал выбрать ориентир. Таким мог бы стать большой камень либо неровность ландшафта, однако любая приметная деталь тут же терялась в дымке, стоило отойти чуть дальше.

Внезапно накатило отчаяние.

Разве он мог вообразить нечто подобное, когда брал очередной билет из прорези в стене?

Эта стена, которая находилась в здании Курсора, была металлической, из цельного куска листовой стали. В её центре находилась прорезь – узкая щель, похожая на окошко для писем в почтовом ящике. Время от времени сквозь неё высовывалась карточка из плотной бумаги. На каждой карточке было написано несколько слов: обычно адрес и краткие указания о том, как добраться. Иногда там была нарисованная от руки карта, всегда небрежно выполненная, схематичная, словно кто-то очень спешил, набрасывая все эти линии.

В этот раз Энсадуму досталась карточка, на которой была именно такая карта. Впрочем, указывалось на ней только место, где он мог нанять лодку. И на этом все. Видимо, дальнейшее предполагало участие проводника (так оно и получилось). Чего наверняка не было в повестке – так это того, что добираться до трупа он будет бесконечно долго, а добравшись, едва не погибнет.

В самом начале Энсадум ломал голову над тем, откуда кураторы узнают обо всех этих смертях. Более того – один или два раза он подмечал, что карточку ему выдавали ещё *до того*, как человек умирал. Несчастный испускал дух, и как раз в этот момент практик

поднимал руку, чтобы постучать в дверь.

Значило ли это, что кураторы каким-то образом предвидели смерти?

Энсадум уже давно брёл, едва переставляя ноги. Оторвать ступню от поверхности значило потратить последние усилия. Туман не собирался рассеиваться, а следы повозки давно затерялись среди мелких и крупных камней.

– Кто бы мог подумать, – пробормотал Энсадум и рассмеялся. Смех напоминал треск ломаемых веток, – С другой стороны...

Внезапно он споткнулся и рухнул лицом вниз, едва успев вытянуть перед собой руки.

Удар пришёлся на колени и локти. Тонкая материя штанов лопнула, в запястье что-то хрустнуло, мгновенно утопив сознание во вспышке боли.

Однако Энсадум забыл о боли, стоило ему увидеть, *что* стало причиной падения.

Это были две прямые, расположенные на земле параллельно друг другу.

Рельсы. Самая настоящая железная дорога.

Наверняка, если смотреть сверху, она была похожа на шрам, прочерченный по иссохшей плоти пустоши. Как часто ей пользовались? Как много поездов вообще покидали стоянку с тех пор, как все начало приходить в упадок? Или они просто ржавели, брошенные на полдороги, и никому не было до них дела? Энсадум пытался вспомнить, видел ли он железную дорогу на карте, и если да, то куда она вела?

Металл был ржавым. Сохранились только сами рельсы, шпал не было видно. То ли сгнили за столько лет, то ли их попросту засыпало грунтом. Энсадум разглядывал покрытые коррозией болты в палец толщиной, скрепляющие рельсы. Многие из них стали настолько хрупкими, что могли лопнуть в любой момент. Хотя, кого это интересовало? По этой железной дороге тридцать лет не ходили поезда и вряд ли пойдут снова. Во всяком случае, Разрушение не оставляло шансов ни единому механизму, даже самому простому. Смерть механизмов была окончательной и бесповоротной.

Поднявшись с земли, Энсадум посмотрел в направлении, куда уходили рельсы. Они начинались у границы тумана по левую руку и исчезали в тумане справа. Возможно, если двигаться по ним всё время, то был шанс прийти в ближайшее поселение. Ведь раньше именно железные дороги соединяли города.

Конечно, всегда оставался шанс просто бродить кругами, ведь пути имели свойство пересекаться, расходиться и вновь сближаться.

Чувствуя все нарастающую головную боль – верный признак того, что с ним пытается связаться куратор, Энсадум опустил на рельсы.

Не раскрыть сознание на этот раз было невозможно.

Энсадум закрыл глаза, чувствуя, как в его голову проникают чужие мысли. Поначалу они состояли из статичных образов, слишком хаотично подобранных, чтобы это было неслучайным: река, дом, луна в небе, чья-то сгорбленная спина, острый камень, округлый предмет, похожий на фрукт или макушку головы. Постепенно поток образов иссяк, а из темноты возникло лицо куратора. Им оказался незнакомый мужчина в возрасте. На его голове была высокая шапка из красного бархата, шею украшала цепь из переплетённых между собой колец – знак Алхимиков крови.

На этот раз Энсадум не стал прерывать контакт. Возможно, кураторы могли помочь ему выбраться из этой глуши. А ещё, как оказалось, ему нужно было видеть перед собой человеческое лицо. Особенно важно это было сейчас, когда он оказался в одиночестве посреди ничего.

Куратор заговорил, но до слуха практика не донеслось ни звука.

Куратор продолжал говорить, пока по отсутствию реакции с противоположной стороны не догадался, что его не слышат. Поняв это, он принялся жестикулировать, но и из этой попытки ничего не вышло. Тогда он оборвал контакт. К счастью, на этот раз, покидая чужое сознание, алхимик не стал швыряться своими обычными ужасами. Энсадум был благодарен ему и за это.

Разлепив тяжёлые веки, он понял, что не оглох. До его слуха по-прежнему доносились звуки: скрип камешков под подошвами, звук собственного дыхания. Но был и другой – неожиданный и странный шум, приходящий из-за границы тумана. Постепенно звук усиливался. Что-то приближалось.

Звук был ритмичным, повторяющимся. *Тук-тук. Тук-тук.*

Парные удары, как будто кто-то забивает гвозди. Первым ударом он примеряет точность попадания, вторым загоняет гвоздь до половины. Однако даже звук забиваемых гвоздей будет отличаться, пусть и незначительно: зависит от материала, даже от того, насколько точно боек молотка попадёт по шляпке... Энсадум знал, что ничто в природе не могло бы издавать настолько однообразный шум. Пожалуй, это было под силу механизмам, и он даже мог припомнить автоматы, которые звучали похоже... Однако ничто из этого не объясняло, каким образом некий механизм, устройство, конструкция или приспособление все ещё могли функционировать.

Порыв ветра принёс запах. Тот самый, который Энсадум не чувствовал уже очень давно, со времени детства.

А затем внезапно туман расступился, и из него показался...

НЕ ОТКРЫВАЙ ГЛАЗА

Спитамен оказался в темноте.

Главное правило: если попал в такое место, лучше не двигаться и ждать, пока глаза привыкнут к мраку. Из опыта он знал, что абсолютной тьмы не бывает. Разве что на дне могилы, но до этого пока дело не дошло.

Спитамен прислушался. Сверху доносились какие-то звуки: звон посуды, то же цоканье, что он слышал до этого, скрип половиц. Дверь по-прежнему была закрыта.

Интересно, заперта ли она?

Однако подниматься по лестнице и проверять ему почему-то не хотелось. Вместо этого Спитамен спустился ещё на несколько ступеней вниз. Его рука при этом не отрывалась от перил.

Вскоре ступени кончились. Он оказался на ровном земляном полу, на удивление плотно утрамбованном. К тому времени смог различить силуэты впереди: несколько колонн, поддерживающих тяжёлые балки потолка, узкое окно, за которым было значительно светлее.

Все дома в Завораше строились таким образом, что подвалы в них оказывались вровень с мостовой. Сквозь окна, расположенные на уровне земли, сюда попадало достаточно дневного света, а через небольшие прорезы между ними – и воздуха. Подвал должен непременно хорошо проветриваться. Это правило усвоили ещё предки заворащев, впервые столкнувшиеся с белым тленом. Так назывался особый вид плесени, появлявшейся на стенах и внутри зданий. Самое странное заключалось в том, что плесень вроде как была живой: её отростки проникали глубоко в камень, дерево и живую плоть.

Впервые белый тлен обнаружили столетие назад. Плесень просто появилась на стене одного из домов. В следующие несколько дней она поглотила здание целиком. К несчастью, в доме ещё оставались люди. Когда дверь открыли, обнаружилось, что внутри все было покрыто белым пухом. Плесень была повсюду: на полу, стенах, потолке, мебели. Нашлись и тела хозяев. Они выглядели как пара поросших белой шёрсткой пушистых кочек...

Ему не раз приходилось пробираться в подобные подвалы и ночевать. Иногда случалось и так, что место уже было занято кем-то другим, но чаще Спитамен находил надёжное, хоть и временное убежище. К тому же в таких местах нередко случалось разжиться съестным из запасов хозяев. Спитамен ожидал увидеть горы товаров, которым не нашлось места в лавке наверху, но ошибся – вокруг не оказалось ничего. Подвал был абсолютно пуст. Все звуки в нем приобретали необычную гулкость, любой шорох становился громче в десятки раз.

Наверняка именно поэтому, а ещё благодаря тому, что все его чувства были напряжены до предела, он и услышал чей-то тихий стон. Но подвал был пуст, так откуда же взялся звук? Может, что-то притаилось за одной из колонн?

И тут взгляд Спитамена упал под ноги. Ему показалось, или некая часть пола действительно была темнее? Буквально в шаге от него лежало пятно непроницаемого мрака, как будто на тёмном камне пола кто-то изобразил черной краской круг правильной формы.

Стараясь двигаться осторожно, Спитамен подобрался к краю круга, опустился на колени, протянул руку... И его ладонь погрузилась в черноту. Перед ним была пустота, колодец, вырезанный прямо в полу.

Он оказался один на один с сумасшедшим галантерейщиком в запертом подвале

магазина, откуда возможно выбраться только одним способом – сквозь узкое окошко, ведущее на улицу. Но чтобы добраться до него, необходимо преодолеть десяток шагов в неизвестности, рискуя сверзиться в колодец.

Прямо скажем, перспектива незавидная.

Может быть, стоит осторожно, шаг за шагом, добраться до стены и уже оттуда, не отрывая спины от сырых камней, дойти до окна?

Пока Спитамен размышлял, снизу раздался очередной стон.

Насколько он мог судить, диаметр колодца был от четырёх до пяти локтей. Запустив руку в темноту, Спитамен попытался нащупать хоть что-то, но вместо этого пальцы ощутили лишь холодный камень стен.

Сколько бы он ни напрягал зрение, ему не удалось разглядеть того, что происходит внизу, поэтому, стоя на коленях у края колодца, он опустил ещё ниже, пока его лицо не оказалось вровень с полом, и произнёс:

– Кто здесь?

Он уже начал думать, что ему просто показалось.

– Эй?..

В ответ снизу донёлся очередной стон.

Внезапно в голову Спитамену пришла идея. Когда он впервые смотрел на сферу, та вроде как сияла изнутри. Тогда он не придавал этому значения. Однако вполне могло оказаться, что сфера была способна светиться в темноте. В любом случае проверить стоило.

На мгновение Спитамен испугался: а если вдруг он повредил сферу, убегая от лавочника? Или, того хуже – потерял? А лавочник, получив желаемое, навсегда запер его здесь.

Однако к его облегчению, сфера оказалась на месте. И она действительно светилась в темноте. Стали видны не только серый каменистый пол вокруг, но и стены, и, разумеется, яма. И не одна. Неподальку Спитамен разглядел ещё один черный кружок провала.

Снизу вновь застонали. На этот раз ошибки быть не могло. Спитамен, прошедший на улице последние несколько лет жизни, научился безошибочно определять скрытые в интонациях боль, страх, отчаяние, даже если холодной ночью откуда-нибудь из подворотни слышался всего лишь прерывистый кашель или короткий, но глубокий, идущий из самых недр тела, стон. Единственный звук смог поведать о человеке многое, порой гораздо больше, чем он сам хотел рассказать.

Крепко сжав сферу в кулаке, Спитамен погрузил руку в мрак колодца. Вниз уходили серые стены, покрытые пятнами сырости. Спустя мгновение он увидел лежащего на дне колодца человека. Тот скорчился в позе эмбриона, подтянул ноги к груди, а руки засунул между тощими коленями. На нем была только набедренная повязка, хотя вначале Спитамену показалось, будто человек одет в тёмную одежду. С опозданием он понял, что все тело несчастного – один сплошной синяк. Человек выглядел мёртвым. Он и пах как мертвец.

Спитамену пришлось лечь на живот, чтобы вытянуть руку дальше. Из колодца на него дохнуло смесью отвратительных запахов. Пахло склепом, могилой; старым, давно заброшенным крематорием, где жирная земля, его окружающая – это пепел и гарь, оставшаяся после тысяч сожжённых тел.

– Эй, – позвал Спитамен, опустив голову в колодец. Собственный голос, отражённый от стен, показался ему слабым и надтреснутым.

– Эй, – повторил он громче, – Ты живой?

Человек не ответил и даже не пошевелился. Было трудно сказать, дышит ли он вообще. Спитамен обернулся: не открылась ли дверь подвала и не маячит ли в проходе паучья фигура галантерейщика. Неожиданно он понял, что был неправ, решив, что в подвале *совсем нет* запасов. То, что он сейчас видел перед собой, как раз таким запасом и являлось, в истинно паучьем вкусе.

Неужели вместе с полиморфными конечностями жертва запретной хирургии обретает и вкусы животного, в которое, по сути, превращается?

Неожиданно незнакомец открыл глаза. Он сел, выпрямился, посмотрел вверх – прямо на Спитамена. А затем прыгнул. Всё происходило настолько быстро, что Спитамен не успел ничего понять. словно подброшенный невидимой пружиной, человек вцепился в руку, сжимающую сферу. На мгновение Спитамену показалось, что сфера сейчас лопнет, такой крепкой была хватка, но, к счастью, этого, не произошло, и артефакт остался цел.

Отвратительный смрад заполнил все вокруг, но куда ужасней было искажённое ненавистью лицо незнакомца. На этом лице двигались и жили только глаза – со зрачками, сжатыми в две черные точки, окружённые желтушными белками.

Они боролись молча. Все слова выветрились у Спитамена из головы, а его противник вёл себя так, будто и не владел человеческой речью. Ухватившись за Спитаменову руку, он пробовал подтянуть тело к краю ямы. Сам Спитамен чувствовал, что начитает падать. Ещё мгновение и он соскользнёт... И тогда в яме окажутся двое.

Мужчина практически ничего не весил, однако под грязной кожей чувствовались мышцы того, кто отдавал много времени физическому труду. Работник порта? Матрос? Неизвестно, сколько бы продолжалась их борьба, однако в тот момент, когда Спитамен был уже готов соскользнуть в колодезь, дверь в подвал распахнулась и в дверном проёме вновь возникла паучья фигура гибрида.

На этот раз лавочник вооружился алебардой. По виду, оружие было лет двести, во всяком случае Спитамен не помнил, чтобы солдаты и стражи Завораша пользовались такими. Наверняка это был один из предметов, выставленных на продажу в магазине.

Вторая рука у Спитамена по-прежнему оставалась свободной. Размахнувшись, он ударил кулаком незнакомца в лицо. Удар вышел неудачным: кулак скользнул по скуле. Однако следующий тычок Спитамен нанёс ровно в переносицу. Послышался хруст ломаемых костей, голова незнакомца запрокинулась назад. Хватка обеих его рук на мгновение ослабла. Очередной удар Спитамен направил узнику в челюсть. Брызнула кровь.

В этот момент позади раздался звонкий удар. Спитамен оглянулся и увидел, что лавочник уже почти спустился по лестнице. Алебарду он тащил за собой, и её лезвие, соскользнув с последней ступеньке, звякнуло о каменный пол подвала.

Губы галантерейщика растянулись в ухмылке. Он по-прежнему был в темных очках, и Спитамен, который всё еще напрягал зрение, подумал, видит ли тот хоть что-нибудь.

– А ну стой, где стоишь, – в полумраке странные пятна, покрывавшие голову лавочника, тускло отливали серебром.

День выдался хуже некуда. Кажется, это был худший день в его жизни. Его топили и он тонул, в него стреляли и протыкали палками, сумасшедший лавочник набросился с кулаками, а теперь вот пожаловал с алебардой в руках. Весь подвал выглядел как одна большая ловушка. Ямы в полу появились явно не случайно. Лучше всего об их предназначении и эффективности говорило присутствие узника.

Спитамен взглянул на залитое кровью лицо перед собой, в полные ненависти глаза... и нанёс очередной удар. От столкновения с кулаком Спитамена нос узника буквально смялся, несчастный издал короткий стон. Обе его руки разжались, и узник рухнул на дно колодца.

Времени выяснять, что с ним стало, у Спитамена не было.

Окно находилось всего в нескольких шагах от него, и сфера светилась достаточно ярко, чтобы преодолеть это расстояние, не угодив в один из колодцев. Примерно таким же было расстояние, отделявшее его от галантерейщика.

Зная, насколько проворным может быть паук, Спитамен решил не искушать судьбу. На самом деле расстояние ничего не значило – достаточно было одного взмаха алебардой, чтобы снести ему голову.

Спитамен наблюдал, как медленно, словно во сне, лезвие на длинном древке поднимается в воздух.

Он вытянул перед собой руку с зажатой в ней сферой.

– Не знаю, что это, – сказал Спитамен, – Но оно явно тебе необходимо.

Единственное, чего он добивался – это выиграть немного времени.

– Вот, что, – говоря это, Спитамен сделал незаметный шагок навстречу лавочнику, став на ладонь ближе, – Я с удовольствием отдам тебе эту... Вещь.

В последний момент ему пришлось подыскивать подходящее слово, поскольку он действительно не знал, как называется то, что с таким рвением стремились отнять у него почти все.

Снизу донёсся сдавленный стон узника. Это подсказало Спитамену, как действовать дальше.

– Эй, – сказал он, – Я отдам тебе... *это*.

Он вновь сделал ударение на последнем слове, подчёркивая важность заключённого в кулак предмета.

– Отдам, если позволишь подняться по лестнице и выйти из магазина. Оставлю на столе у входа. Или, – Спитамен кивнул в сторону ямы, – Брошу туда.

Любому другому на месте лавочника было бы все равно. Однако как Спитамен начал подозревать, в нём было гораздо больше звериного, чем могло показаться на первый взгляд. Подобные модификации потому и запрещены, что накладывают специфический отпечаток на своего обладателя. И чем значительнее модификация, там более заметный след они оставляют.

Паук в центре паутины. Это была вовсе не фигура речи, символизирующая жадного до денег торговца. Это и *в самом деле* было так.

В гибриде было больше от животного, чем от человека. И подобно многим зверям в затруднительной ситуации, он действовал единственным доступным ему способом: замер.

Спитамен знал: сейчас все чувства паука сосредоточены на нём одном. Не поможет ни обманное движение, ни резкий выпад. Даже если бы у него оставались силы после стычки с узником, он не сумел бы противостоять человеку с алебардой наперевес. И будь оружие сколько угодно тупым за все столетия, что ему пришлось лежать без дела, удар стального лезвия будет весьма неприятным. А, значит, оставалось одно – убедить лавочника.

Снизу раздался очередной стон, а затем – поток цветастой матросской брани.

Наверняка матрос, подумал Спитамен. Подобран пьяным в одной из грязных подворотен Завораша. Вряд ли кто-то будет искать такого и уж точно никто не удивится его внезапному

исчезновению. В доках, куда сам Спитамен не раз являлся в поисках работы, люди приходили и уходили, и никто не интересовался их именами, скорее даже наоборот – никто не желал обременять себя подобным знанием.

– Вот, – сказал Спитамен, делая ещё один небольшой шагок навстречу лавочнику, – Забирай. А я поднимусь по этой лестнице и уйду. Клянусь, я больше никогда не войду в двери твоей лавки.

Даже для собственного слуха Спитамена все это звучало слишком фальшиво. Паук продолжал наблюдать за ним из-за стёкол своих темных очков.

– Так мы... договорились? Я просто выйду отсюда, хорошо?

Спитамен продолжал держать вытянутой руку с зажатой в ней сферой. И хотя сомкнутые пальцы мешали свету вырваться наружу, Спитамен каким-то образом ощущал, что тот стал ярче. Как тогда, когда он заглядывал в колодец, пытаясь разогнать тьму.

– Вот так, – Ещё один крохотный шагок. Руку Спитамен так и не опустил, – Ты же не против, верно?

Можно ли вообще договориться с пауком?

Как ни странно, Спитамен не испытывал горечи от того, что вынужден был умолять. Когда живёшь на улице, приходится делать вещи и хуже.

Интересно, что сказал бы его отец, видя, как сын унижается?

Скорее всего, отвернулся бы и прошёл мимо. Если что-то и оскорбляло чувства владыки нома, так это чьё-то бессилие.

Не потому ли Спитамен был изгнан из дома? *Не изгнан*, поправил он себя. Он ушёл самостоятельно. *Никто меня не выгонял.*

Увы, память и здесь подставила подножку. Перед глазами возник образ отца, указывающего на дверь.

Ушёл, конечно, на собственных ногах. Но *ушёл бы*, если бы не выгоняли?

К слову, сделать это оказалось не так сложно. Он-то считал, что уходит в большой мир, где сколько угодно белой смолы, развлечений и прочего... Теперь в прошлое канули даже те времена, когда собственное невежество казалось ему чем-то забавным.

– Давай сюда, – лавочник протянул руку.

В том, что конкретно ему было нужно, сомнений не оставалось.

Впоследствии Спитамен неоднократно думал, что же сыграло решающую роль. Возможно то, что гибриду пришлось ненадолго отнять руку от древка алебарды, в результате чего довольно увесистое оружие оказалось лишь в одной руке – левой. Или то, что незадолго до этого он вспоминал об отце и о том, как одним взмахом руки он разделил Спитаменову жизнь на «до» и «после». Сам он любил думать, что второе.

Сделав очередной шаг навстречу лавочнику, Спитамен разжал пальцы.

Свет сферы был настолько ярким, что казалось, в подвале вспыхнуло маленькое солнце. В тот момент, когда вспышка ослепила паука (даже несмотря на тёмные очки), Спитамен решил действовать.

Ногой он ударил по одной из паучьих конечностей. Свободной рукой он поймал за древко алебарду, которая уже начала движение. Другой рукой, в которой по-прежнему была зажата сфера, ударил пауку под подбородок. Как и предполагалось, плоть там оказалась вполне человеческой, мягкой и податливой. Что было действительно неожиданно – так это эффект от удара. Неким образом сфера повлияла на силу тычка: лавочника буквально отбросило в сторону. Сам Спитамен никогда не смог бы нанести такого удара. На мгновение

он потерял паука из виду. Все закончилось куда быстрее, чем он ожидал.

Перехваченную в полёте алебарду Спитамен отбросил в сторону. Затем он с удивлением понял, что лавочник угодил в один из колодцев. Спустя два удара сердца послышался сдавленный крик, а затем до его слуха доносились звуки борьбы. Подойдя к краю ямы, Спитамен увидел, что узник оседлал паука сверху и наносит беспорядочные удары: по голове, шее, туловищу. Лавочник пытался сопротивляться, но безуспешно, единственное, что ему удавалось, это прикрывать руками лицо, слабо защищаясь от наносимых ударов. Все его четыре паучьи конечности, включая ту, которую повредил Спитамен, скребли по стенам колодца, оставляя в камне глубокие царапины.

Спитамен не стал дожидаться, окончания драки. Оставив обоих, он двинулся было к лестнице, но передумал.

Глупец! Не хватало ещё встретить кого-нибудь в магазине.

И Спитамен направился к окну.

В последний момент он вспомнил о предмете в своей руке. Разжав пальцы, и убедившись, что сфера цела, он сунул её в карман.

Окно оказалось узким, но не настолько, что в него невозможно было протиснуться. Оно располагалось у самого уровня мостовой, поэтому если изнутри Спитамен карабкался, помогая себе ногами, то наружу он выбрался ползком.

Никогда ещё городской воздух не казался ему таким приятным. Даже вонь подворотни, где он оказался, была в тысячу раз ароматнее запахов подвала.

Пройти по-тихому, найти укромное место, чтобы отдышаться – вот, что сейчас было нужно.

Встав с мостовой и кое-как подобрав выбившуюся из штанов рубашку, Спитамен направился в узкую улочку слева. Дома здесь стояли так близко друг к другу, что между ними едва могла проехать телега. Окон ни на первом, ни на втором этаже не было – лишь узкие бойницы для циркуляции воздуха.

Наверняка все окна на парадной стороне и смотрят на улицу. Но даже здесь стоило быть осторожным: суда по запаху, именно здесь местные жители избавлялись от содержимого своих ночных горшков.

– Эй, ты! Оборванец! – Раздалось внезапно сзади, – Стой!

Спитамен прибавил шаг. Ему не было нужды оборачиваться, чтобы услышать удары тяжёлых сапог, скрип кожаных ремней и глухие удары опоясывающих ножны металлических колец.

– Стой, кому говорят!

А затем все прекратилось – и топот, и скрип кожи, и металлическое позвякивание. Спитамен ускорил шаг, надеясь свернуть за поворот раньше, чем один из солдат сумеет взять прицел. Затем побежал. У него за спиной щёлкнуло, словно кто-то взвёл курок.

А затем раздался выстрел.

ГРЁЗЫ В ЦАРСТВЕ ГРЁЗ

Это сон? Он спит?

Иначе как объяснить, что он вновь оказался дома, а вокруг хлопочут слуги?

Жизнь в поместье номарха никогда не останавливается – ни днём, ни ночью. Поэтому солнце за окном или луна – открыв глаза, можно увидеть одну и ту же картину: слуги готовят смену одежды, зажигают или гасят свечи, убирают остатки еды или наоборот, несут новые перемены блюд. Слуги – вот кто истинные хозяева этого дома.

Спитамен едва не рассмеялся этой мысли. И как это не приходило ему в голову раньше? Ведь в доме есть куча мест, где он ни разу не бывал, даже не заглядывал. А знает ли он как далеко простираются владения номарха? Все это когда-то будет принадлежать ему, если...

Если...

Внезапно он вспомнил падение в воду, выстрелы, свой визит в галантерейную лавку и все то, что произошло потом.

Это тоже сон?

Может ли быть так, что он спит в удобном кресле на террасе отцовского дома, в изголовье стоят пара слуг с опахалами, а рядом – поднос с охлаждённым вином. Достаточно лишь протянуть руку.

– Эй, ты!

Спитамен открыл глаза. И тут же закрыл их. То, что он увидел, не понравилось ему.

– Эй!

Кроме самого Спитамена, в комнате находились двое. Тот, что сидел напротив, был высоким и тощим. Это был обладатель самых шикарных волос, что Спитамену доводилось видеть. Густые и белокурые, они спускались ровными прядями по обеим сторонам лица правильной формы. Глядя на него, можно было предположить, что оно принадлежит аристократу с исключительно правильным воспитанием. Казалось, выражение вежливой скуки никогда покидало его лица.

Другой был ему полной противоположностью. Коренастый и широкоплечий, он едва помещался в нагрудник из свиной кожи и стальные наручи, из которых выглядывали огромные мясистые ладони. Его лицо было под стать фигуре: тяжёлое, изрытое оспинами, покрытое следами многочисленных потасовок.

Ох, ну почему всегда Тощий и Толстый?

Словно услышав эту его мысль, толстый хохотнул. Прозвучало это так, словно где-то ветер пронёсся между рядами плотно стоящих друг к другу надгробий. Худой по другую сторону стола остался невозмутим.

– Ну? – Сказал он, – Ты скажешь по доброй воле или как?

Спитамен все ещё часто моргал, не в силах прийти в себя. Обрывки воспоминаний никак не хотели складываться в цельную картину. Он не помнил, как оказался здесь. Ни малейшего намёка на то, где он находился, как и на то, кем были эти двое.

Стены в помещении были покрыты серой штукатуркой. В некоторых местах штукатурка осыпалась, обнажив кирпичную кладку. Кирпич был растрескавшимся, старым, но крепким на вид. Из помещения наружу вели два выхода: узкое окно, забранное решёткой и массивная, обитая железными полосами дверь. Взглянув в окно, Спитамен не увидел ничего, кроме серой стены напротив.

Божье Всевоплощённый, как же все болит.

К горлу подступила тошнота, но Спитамен заставил себя проглотить горький комок.

Внезапно заговорил толстый. Оторвавшись от стены, он двумя огромными шагами преодолел расстояние до стола, и, опершись обеими ручищами в столешницу, навис над Спитаменом.

– Мой друг хочет знать, откуда у тебя эта вещь.

Только сейчас Спитамен увидел, что сфера лежит на столе прямо перед ним.

Наверняка его обыскали. Но зачем кому-то шарить по карманам нищего? Разве что тот, кто этим занимался, предполагал заранее *что* найдёт.

Ведь он стянул кошель у плавающего в воде трупа, так? Возможно ли, что солдаты заранее знали, *что* они обнаружат в этом кошельке а, не найдя этого, сильно разозлились? Был ли тип в черном их командиром? Тогда это именно он отдал приказ стрелять в зевак у парашюта. Но зачем? Чтобы уничтожить свидетелей? Было ли это спланировано изначально или Спитамен сам того не понимая, обрёл несчастных на погибель лишь тем, что перевернул мертвеца лицом вверх?

– Итак, – заговорил худощавый, – Вор. Уличный воришка, оправдывающий карманы горожан. Щипач? Ловкач? Громила? Нет, на громилу ты не похож, слишком мелкий.

Спитамен никогда не слышал названия подобных воровских «специализаций». Скорее всего они существовали лишь на бумаге, да ещё в представлениях местных служителей закона.

Он уже понял, что перед ним не простые стражники и даже не офицеры, а кто-то из тайной службы вроде того типа в чёрном на набережной.

Внезапно снаружи донёсся стук молотка, приглушенные голоса, что-то коротко сообщавшие друг другу. Удивительным образом этот звук напомнил ему о доме... О том месте, что он раньше называл домом. В поместье номарха что-то постоянно чинили, строили, возводили. Деревянные леса так и вовсе окружали попеременно то одну, то другую башенку...

К счастью, в него стреляли картечью. Спина, левая рука и все, что располагалось выше пояса, онемело, однако мало-помалу чувствительность постепенно возвращалась в тело. Вместе с ней приходила и боль. И все же Спитамен заставил себя сидеть прямо. Похоже, дробины не причинили особого вреда.

Спитамен понял, что эти двое могут легко перейти от слов к действиям. Если за дело бралась тайная полиция, все, что оставалось – это надеяться на лучшее. Например, Спитамена могли застрелить в том переулке. Или же он мог просто исчезнуть. Его могли избить до полусмерти за считанные мгновения или же пытаться долго и с фантазией... Как того несчастного. Пытать, а затем просто вышвырнуть словно мусор. Тот, кто топил тело в канале, определённо руководствовался теми же соображениями, а вовсе не пытался скрыть следы преступления.

В городе найдётся множество мест, где дома подступают вплотную к каналу. Многие из них в два или три этажа высотой. Если смотреть с одного из верхних этажей, можно увидеть собственное отражение в воде (при условии, что в ней плавают меньше мусора, чем обычно). Возможно, тело выбросили из одного из таких домов.

Спитамен убрал со лба грязные волосы. В этот момент здоровяк придвинулся ближе и заглянул ему в лицо. На мгновение Спитамену показалось, что каким-то образом тот узнал его.

Пару лет назад этот человек вполне мог служить в гвардии его отца или же охранять поместье и видеть молодого наследника. Возможно, это стало бы его билетом отсюда. Однако все эти надежды рухнули, когда Коренастый заговорил:

– Ба! Да ведь он под кайфом! У нас тут наркоман! Дай-ка угадаю: белая смола, я прав?

Он втянул воздух рядом со Спитаменовым лицом, затем шумно выдохнул, обдав пленника смесью запахов: кофе, саломиновая трава, которую жевали для чистки зубов, острые приправы, съеденные за обедом.

– Смердит как из помойки. Но даже сквозь вонь я чую запах этой дряни. Знаешь, приятель, обычно здесь мы начинаем с пальцев, – он сделал в воздухе движение, будто ломал зубочистку, – Но с наркоманом можно особо не стараться. Достаточно просто запереть на пару дней в клетку – и он сломается сам.

Говоря это, коренастый придвинулся вплотную, и прошипел: «Так или нет?».

Не дожидаясь, пока Спитамен ответит, тощий вздохнул:

– Все же придётся начать с пальцев. В последний раз спрашиваю: где ты взял эту вещь? Украл? У кого? Тебе знаком человек по имени Корбаш Талал? Отвечай!

Спитамен подумал, что, скорее всего, звали утопленника. *Корбаш Талал*. Какие у них могли быть общие дела? Разве не видно, что Спитамен – всего лишь бродяга, нищий, тогда как на мертвецке была добротная одежда, на пальцах – следы от колец, а окованный бляхами пояс явно стоит немалых денег?

Спитамен подумал о тысячах людей, приезжающих в Завораш. Многие из них не задерживались здесь дольше, чем на несколько дней – время достаточное для того, чтобы купить или продать товары, заключить торговую сделку или просто перевести дух перед морским путешествием, которое может занимать недели, а то и месяцы.

Ежедневно сквозь арку ворот в обе стороны двигались толпы. Тележки и повозки образовывали целые караваны, многие из которых растягивались на многие вёрсты – усталые животные и люди, скрипучие колеса и облака пыли.

Некогда среди них был и сам Спитамен. Все ещё находящийся в плену иллюзий, опьянённый внезапной свободой, он вошёл в город лёгкой походкой, неся за плечами лишь небольшую котомку. Тогда он смотрел по сторонам – на нищих, выставивших на всеобщее обозрение гниющие конечности, на старух, шаркающих по земле будто во сне, на детей, попрошайничающих прямо у обочины, и думал, что ему повезёт больше.

Подходя к южным воротам, Спитамен не переставал удивляться величию города перед ним. Все казалось ему прекрасным, начиная от самих ворот, которые, казалось, были высечены из цельного куска небесно-голубого лазурита и раскрашены золотыми и изумрудными узорами (это конечно же было не так, вместо лазурита использовался более дешёвый и распространённый камень, а то, что издалика казалось золотом, на самом деле было ярко начищенной бронзой) и заканчивая шпилями вздымавшихся вдаль башен. Собственный особняк – резиденция номарха, которая до этого представлялась ему верхом изящества и тонкого вкуса, вдруг показалась Спитамену мелким недоразумением – настолько же незначительным, как и сам обитавший в ней номарх (именно *номарх*, больше не *отец*)!

Как давно все это было! Но тот день и нынешний разделяла не только пропасть во времени...

Тощий стал подниматься со своего места (наверняка намереваясь привести угрозы в действие, как подумал Спитамен), но в этот момент снаружи послышались крики, топот,

ругань. В дверь с обратной стороны что-то грохнуло, будто кто-то ударился в неё всем телом.

Коренастый и Тощий переглянулись. В этот момент в их глазах читалось замешательство.

Тощий кивнул в сторону двери.

– Сходи, проверь.

Бросив на Спитамена взгляд, который говорил красноречивее любых слов, Коренастый направился к выходу.

Дверь действительно оказалась заперта. Для того чтобы отпереть её, он воспользовался висящим на поясе ключом. В краткий миг, когда дверь оказалась распахнутой достаточно, чтобы в неё могла пройти широкоплечая фигура Коренастого, Спитамен увидел бегущих по коридору стражников. Уж не пожар ли случился? А затем дверь закрылась. Спитамен ожидал услышать щелчок замка, но его так и не последовало.

Потекли долгие минуты ожидания. Тощий смотрел прямо на него, а Спитамен старался смотреть куда угодно, лишь бы не на этого типа с необыкновенно длинными ухоженными пальцами, которые больше походили на хирургические инструменты, чем на пальцы обычного человека. Больше снаружи не доносилось ни звука. Тощий побарабанил ногтями по столешнице.

Тук-тук-тук.

Словно ворон клюёт надгробие. Ногти у него тоже были длинными как у женщины, остро отточенными и опасными на вид.

Затем одним движением Тощий сгрёб со стола сферу.

– Сиди здесь, – бросил он Спитамену.

Когда дверь распахнулась перед Тощим, Спитамен увидел, что коридор за ней пуст.

Тощий вышел, и дверь за ним закрылась. И вновь щелчка не последовало.

Некоторое время Спитамен просто сидел. За окном (где была одна лишь серая стена), мало что изменилось, разве что тени стали гуще, а воздух – темнее. Он подумал, что Тощий все ещё мог быть за дверью. Вполне возможно, любопытство будет воспринято как попытка к бегству. И все же он не видел смысла в том, чтобы покорно ожидать, пока эти двое вернуться и перейдут от слов к делу.

Встав из-за стола, он сделал несколько шагов по комнате, чтобы размять ноги. Идти можно, а вот бежать вряд ли получится. Затем подошёл к двери, прислушался. Снаружи не доносилось ни звука. Если бы двое его собеседников не встали и не ушли минуту назад, впору было бы усомниться в реальности того, что он якобы слышал.

Подождав ещё немного, но так и не услышав ничего, кроме звука собственного бешено колотящегося сердца, Спитамен положил руку на окованное металлом дерево, надавил. Дверь открылась без каких-либо сложностей, легко и бесшумно.

Покинув зал, Ноктавидант быстрым шагом добрался до конца коридора. Мимоходом он подмечал знаки вторжения: кровавый след на полу, ещё один – вдоль стены, по которой кто-то провёл испачканной в крови рукой.

Коридор соединялся с другим под прямым углом. Обычно здесь стояла пара стражей, но сейчас не было видно ни души. Знаки становились всё тревожнее. Теперь они читались повсюду – символы тайнописи, языка которой Ноктавидант не понимал.

Он ускорил шаг.

Только сейчас он понял, что не помнит ничего, что предшествовало их спуску по лестнице. Он не мог вспомнить ничего с того момента, когда увидел принцепала в кресле живым и здоровым (а не распластанном внизу на мостовой) и вплоть до той минуты, когда куратор спросил, слышит ли их оракул. Ноктавидант тряхнул головой, будто хотел избавиться от тумана в мыслях. Нужно сосредоточиться. А ещё как можно быстрее добраться до покоев наверху...

...Или он мог воспользоваться одним из каналов, предназначенных для передачи сообщений наверх – и предупредить принцепала.

Ноктавидант лишь единожды был в скриптории (так называлось место, где находились те, кто выслушивал предсказания оракула и отсылал сообщения наверх). Это было узкое помещение – по сути, сплошной коридор, идущий вкруговую через весь зал. У бойниц шириной в ладонь сидели люди и что-то записывали, пользуясь для этого аппаратами, почти сплошь состоящими из клавиш и раструбов разного размера, из-за чего они больше напоминали замысловатые духовые инструменты, чем какую-то технику. От каждого аппарата наверх тянулось по толстому черному проводу, из-за чего все здесь казалось ненастоящим, фальшивым, как в трюке фокусника, где актёры, которые должны парить в воздухе, подвешены на верёвках.

Ноктавиданту нужно было всего лишь добраться до первого этажа, откуда он мог отправить сообщение. Оставалось надеяться, что тот, кто его примет, не вышвырнет бумагу сразу в мусорную корзину.

В соседнем коридоре ему встретился спешащий куда-то стражник. Шлем у него был расстегнут, лямки нагрудника болтались. Появись он в таком виде в обычное время, и ему не избежать наказания...

Ножны с коротким мечом страж пристёгивал к поясу в буквальном смысле на ходу. Если бы в этот момент рядом оказался враг, он не успел бы даже вытащить клинок.

Наверняка именно эта мысль скользнула у стража в голове, когда Ноктавидант схватил его за руку.

– Твой меч, – коротко сказал он.

Страж отпрянул, затем окинул быстрым взором одеяние клирика. Ноктавидант помнил его: один из новичков, постоянно тренирующихся во дворе. Крикливый сержант учил их обращаться с мечом, копьём, секирой.

– Немедленно, – прошипел клирик.

Страж протянул ему оружие – рукоятью вперёд, как положено. Клирик вырвал меч. И вновь устремился по коридору.

Меч оттягивал руку приятной тяжестью. Неудобный, громоздкий – и всё же оружие. Его

вес вселял уверенность, и в этот момент Ноктавидант подумал, что нечто похожее наверняка испытывают рудокопы или крестьяне, когда берут в руки проверенный временем надёжный инструмент.

Теперь он не просто шагал по коридору, он бежал. Запятнанное кровью одеяние клирика путалось в ногах. Похожий на вырвавшуюся из Гастра мятежную душу, да ещё с клинком в руке, Ноктавидант буквально взлетел по ступеням, ведущим на этаж выше.

Если зал, где содержался ангел, был расположен под землёй, то помещение канцелярии находилось на первом этаже, и попасть туда можно было только по одной из лестниц. Два десятка ступеней отделяло его от вместилища машин и писцов, которые ежедневно слушали и записывали каждое слово оракула.

Ещё несколько часов назад, спускаясь в зал оракула, он думал об утомительности своих ежедневных обязанностей. Как мало все это значило теперь, когда впереди маячила тень катастрофы!

Наконец он добрался до нужной ему двери. Как ни странно, она была не заперта. Из щели между самой дверью и косяком наружу пробивался красноватый свет. Изнутри не доносилось ни звука.

Уже одно это должно было насторожить его. Ведь такое множество механизмов... клавиш, раструбов, проводов... Одних техников в канцелярии было около двадцати человек, работавших в три смены. Значит, сейчас внутри должно было находиться как минимум шестеро.

Нехорошее предчувствие сжало внутренности клирика. На самом деле, открывая дверь, он уже знал, *что* увидит внутри. Поэтому, когда дверь распахнулась полностью, и его взору предстала комната, он смог сдержаться и не закричать. Нечеловеческим усилием, но все же сдержался.

А затем... шагнул внутрь. На самом деле он не хотел этого делать. Однако сделал, повинувшись некоему противоестественному желанию видеть все собственными глазами.

Комната осталась такой же, какой он запомнил её с прошлого визита. Разве прибавилось проводов, а раструбы и клавиши стали меньше и теперь располагались теснее друг к другу. Однако в остальном... Всё остальное *изменилось*. Стены стали красными от крови. Внутренности свисали с потолка бледными гирляндами.

Ноктавидант отчаянно боролся с желанием распрощаться с содержимым собственного желудка. Зажмурился, досчитал до пяти, чувствуя, как тяжелеет меч в руке, открыл глаза. Зажав нос рукой, Ноктавидант сделал шаг вглубь комнаты, но так и не смог заставить себя сделать другой.

Клирик насчитал пятерых погибших. Хотя их могло быть намного больше, поскольку части тела лежали повсюду. Рука, нога, голова... Трудно было определить, что кому принадлежит.

В одном углу лежал топор, в другом – короткий меч, как тот, что держал сам Ноктавидант. Почти у самых его ног лежала оторванная рука, которая до сих пор сжимала в кулаке нож. Было похоже, что эти пятеро просто перебили друг друга. Была ли расправа мгновенной, кровавой и жестокой? Или продолжалась какое-то время, обернувшись потехой для наиболее сильных? Последний оставшийся в живых вдоволь наигрался с телами, кромсая плоть и дробя кости.

От запаха кружилась голова. Ноктавидант чувствовал, как одна за другой накатывают волны паники. Сердце стучало, грозя вырваться из груди, содержимое желудка превратилось

в лёд. Стараясь сдержать подступающий обморок, он закрыл глаза и прислонился к стене. Стоял так несколько минут, медленно считая про себя.

Нет, он не мог рухнуть прямо здесь. Только сейчас он начал понимать, что все произошедшее – не более чем ширма для чего-то более значительного.

Покидая комнату, Ноктавидант думал только об одном: тишина теперь не казалась ему чем-то благословенным. Безмолвие, в которое погрузились коридоры и комнаты дворца, было молчанием трупа. Однажды в некоем манускрипте Ноктавидант видел такой символ: череп с отпиленной верхушкой в центре, а по бокам от него – две извивающиеся змеи. Головы змей нависают над отпиленной частью, словно над чашей, и с их длинных языков внутрь черепа капает яд. Тогда символизм изображения ускользнул от клирика, хотя и был вполне очевиден: нечто отравляет разум человека.

Что-то подобное случилось и с этими несчастными. Их мысли были порабощены, их истинные личности отошли на второй план или вовсе исчезли. Кем они представляли себя? Великими воинами, сражающимися с полчищем демонов? Непобедимыми рыцарями? Или же некоторые из них внезапно увидели врагов в своих товарищах? Вспомнили мелкие обиды?

Не нужно быть военным стратегом, чтобы найти таланту куратора куда более эффективное применение, чем внушение некому клирику, что он просто маленькая девочка, хнычущая под кроватью...

Он мог помешать куратору уйти безнаказанным.

Из одного коридора он попал в другой, а оттуда – в третий. К счастью, за последние тридцать лет Ноктавидант ходил здешними маршрутами настолько часто, что мог бы передвигаться даже в полной темноте. Последнее было ему на руку, поскольку не знающий хитросплетения здешних ходов куратор мог легко запутаться и ходить по кругу часами. Это открытие было неожиданным: враг мог по-прежнему находиться поблизости. Ноктавидант поудобнее перехватил меч.

Прислушался.

Не только слух, но и все чувства клирика были обострены до предела. Может поэтому последующие события показались ему произошедшими одновременно.

Что-то подсказало ему, что впереди кто-то есть. Возможно, это была интуиция, шестое чувство... Когда Ноктавидант размышлял об этом намного позже, его посетила безумная мысль, что за все эти годы оракул неким образом передал ему частичку собственного умения предвидеть будущее. Словно это была болезнь, которой можно заразиться. Ведь он почувствовал появление чужака до того, как увидел того выходящим из окованных металлом дверей. Непонятно что так насторожило клирика: грязная одежда незнакомца, больше подходящая бродяге с улицы или то, как он двигался – согнувшись, крадучись.

Недолго думая, Ноктавидант бросился вперёд.

Едва Спитамен успел выбраться в коридор, как навстречу ему ринулся кто-то из темноты.

Спитамен успел разглядеть окровавленное лицо и то, как человек был одет. Похоже, на нём было что-то вроде одеяния священника. В добавок он размахивал мечом так, словно оказался один на один с вражеским воинством. В узком пространстве коридора полноценно орудовать клинком оказалось сложно. Меч ударился о стену. Скрежет стали о камень был оглушительным. Спитамен поднырнул под клинок, одновременно толкая нападавшего плечом в грудь. Простой приём, которым рано или поздно овладевал любой, кому приходилось провести на улице достаточно времени. Меч, завершивший свою смертоносную дугу где-то позади Спитамена, загрохотал по плитам пола.

Удар вышиб из нападавшего дух. Спитамен слышал, как человек в одеянии клирика охнул и стал заваливаться на спину. Спитамен мог бы нанести решающий удар – по лицу или в область шеи, однако не стал этого делать. Нужно было спешить.

Оставив священнослужителя позади, он устремился по коридору туда, где, как он думал, располагался выход из здания. Куда угодно – лишь бы выбраться из этих мрачных подземелий.

Он так спешил, что не заметил лежащего на земле тела.

Рухнув, Спитамен растянулся поперёк чьей-то груди, закованной в кожаный нагрудник. От человека узнаваемо пахло кофе и саломиновой травой, потому он сразу понял, кто перед ним. *Коренастый*. Кто-то убил его, практически насадив на длинное копьё, которое всё ещё торчало из бока несчастного.

Далее по коридору лежали и другие тела. Среди них особенно выделялось одно.

Даже после смерти волосы *Тощего* выглядели великолепно. Наверняка окажись его тело на улице, недолго ему пришлось бы лежать: предприимчивые и не слишком щепетильные жители Завораша давно срезали бы с его головы скальп, чтобы затем продать мастеру париков.

Спитамен нагнулся и быстро обшарил карманы мертвеца. Сфера нашлась почти сразу. Завладев предметом, бродяга мгновенно сунул его за пазуху, опасаясь, что сияние сферы выдаст его в полутёмном коридоре. Затем некоторое время размышлял, не захватить ли один из мечей, валяющихся неподалёку, но не стал этого делать.

Кроме Тощего и его товарища на полу в коридоре лежали ещё двое – пара стражей в одинаковом облачении, но без шлемов. Все выглядело так, будто несколько заклятых врагов просто повстречались в тесном проходе.

Обойдя последнего мертвеца с торчащим из горла кинжалом, Спитамен решил: что бы здесь не произошло, к нему это не имеет ни малейшего отношения. И он продолжил бегство. Раны, оставленные картечью на его спине и ягодицах, причиняли боль. По тому, как прилипала к коже одежда, Спитамен понял, что они вновь открылось кровотечение.

А затем Спитамен неожиданно увидел впереди свет и ощутил дуновение воздуха. Как если бы он выбрался из глубокой и тёмной пещеры наружу, навстречу солнцу и голубому небу. Сфера была у него в надёжном месте, путь наружу был открыт – что ещё оставалось?

Теперь, когда Спитамен знал, что завладел чем-то важным, у него наконец стал зреть план. Во-первых: сама сфера. Очевидно, что это была ценная вещь. По крайней мере, её хозяин был мёртв, как и двое других, кто пытался отнять её у Спитамена. Кроме того,

не стоило забывать о десятках жертв у набережной. Спитамен сам видел падающие в канал тела. Во-вторых: у него было имя – Корбаш Талал. Довольно редкое, если разобраться. Действуя с осторожностью, не составляло труда выяснить, кем был тот человек. Он мог бы поискать помощи за пределами города, ведь у него ещё остались кое-какие связи: старые игроки, плуты, менялы. Многие из них были такими же безумцами как галантерейщик, но в отличие от последнего хотя бы оставались людьми.

План был отличным. Надёжным. Все это могло сработать – и наверняка сработало бы... Спитамен уже видел перед собой ослепительный прямоугольник света, за которым был целый мир... а затем этот прямоугольник внезапно заслонила чья-то тень.

...а затем внезапно туман расступился, и из него показался...

Нет, не поезд.

Это не было и не могло быть поездом сразу по нескольким причинам: механизмы не работали уже три десятка лет, а все оставшиеся составы превратились в груды хлама. От многих сохранились разве что остовы, ведь металл по-прежнему оставался металлом, который все ещё можно было использовать.

До этого Энсадум видел целые вереницы таких составов, больше похожие на скелеты. Многие из них так и замерли на пути из одной точки в другую.

Иногда он думал, что же стало с их пассажирами?

Нет, то, что показалось из тумана, поездом не было, хотя и двигалось по рельсам.

Вначале показалась косматая голова, увенчанная рогами. Владелец впечатляющей шевелюры и значительных рогов был не один. Рядом с ним шагали двое представителей его вида – наполовину быков, наполовину... кого-то ещё. Энсадум и раньше видел этих существ. Он знал, что те зовутся гхурами, но не имел ни малейшего представления, насколько они огромные. И дурно пахнущие.

Вся тройка тащила несколько повозок, скреплённых друг с другом, как самый настоящий железнодорожный состав. Несмотря на внушительный размер, двигались существа проворно. Колеса самих повозок были не обычными, а с выемкой, точно соответствующей ширине рельса. Катить тяжёлый груз по железнодорожному полотну было гораздо легче, чем по камням и бездорожью. Похоже, использовавшиеся в них колеса некогда были колёсами поезда.

Возницы не было. Животные шли размеренным шагом, но достаточно быстро – одно, самое крупное, в центре и двое помельче по бокам. Только когда они приблизились, Энсадум с ужасом осознал, что у всех троих нет глаз. Гхуры не были слепыми и их глаза не были скрыты под свалявшейся шерстью. Глаз просто не было. Отсутствовал даже малейший намёк на неровности в том месте, где, по идее, должны были располагаться глазные впадины. Энсадум не знал, следствие ли это неких мутаций или же перед ним специально выведенная порода животных, основной целью которых было тянуть грузы из одного конца в другой и не отвлекаться ни на что другое.

Таким грузом на импровизированных повозках являлись многократно перевязанные бечёвкой тюки. Судя по запаху – со смолой, битумом или другим подобным сырьём. Они громоздились один на другой на высоте человеческого роста, однако для большей устойчивости располагались лесенкой – так, что забраться наверх не составляло труда...

И Энсадум решил рискнуть. Казалось, сама судьба предоставила ему эту возможность. Там, куда направлялись животные, обязательно должно было оказаться поселение или торговый пост, или некая перевалочная база... Вполне возможно, оттуда он сможет добраться до дома. Нет, не до того «дома» с лежащим в кровати безымянным мертвецом и пустыми комнатами, а до своего настоящего дома...

На то, чтобы взобраться на тюки, у Энсадума ушли последние силы. Он просто рухнул сверху и закрыл глаза... Однако торжество было недолгим – без одеяла, которое помогло бы ему согреться. К счастью, и здесь нашёлся выход. Тюки были покрыты тканью, которая защищала содержимое от дождя и снега. Сорвав эту ткань, Энсадум обернулся ею словно

пледом.

Гхуры двигались равномерно, верёвки на тюках поскрипывали. Рельсы впереди утопали в тумане. Первое время Энсадум пытался вглядываться – а что там, вдалеке? Однако глаза быстро уставали, а впереди не появлялось ничего, кроме новых камней. Внезапно Энсадуму стало интересно, что станут делать животные, если дорога внезапно оборвётся. За столько лет пути наверняка где-нибудь разрушились, заржавели или деформировались. Скорее всего, животные просто продолжили бы движение. И это, в свою очередь, натолкнуло его на другую мысль.

Сколько гхуры могут обходиться без воды и пищи? Наверняка не так уж много. Это значило, что между точками их маршрута не больше дня пути. А то, что в дорогу их отправляли без погонщика, означало, что их хозяева и хозяева груза уверены в том, что животные доберутся благополучно. Или, возможно, каким-либо способом они следили за ними.

Сунув руку в карман, Энсадум внезапно нащупал карточку с адресом. Картонка была влажной, и все ещё хранила тепло его тела. Удивительно, как порой самые обыденные вещи становятся чем-то значимым...

Некоторое время он разглядывал листок. Чернила на нем расплылись, но адрес все ещё можно было прочесть. Если задействовать фантазию, то можно было предположить, что изображено и на схеме под ним: река и пустошь, на которой перекрестьем обозначен дом. Только сейчас Энсадум заметил под всем этим несколько слов, выведенных торопливой рукой: *«не задерживайся в Пустошах»*. Он прочёл фразу несколько раз, а затем оглушительно рассмеялся. Смех прокатился по округе, напугав гхуров. Кто и когда сделал эту надпись, Энсадум не знал. Это мог быть один из Распределителей – тех, кто выдаёт карточки.

Не прекращая смеяться, он разорвал карточку и швырнул обрывки на дорогу.

Немного покружив в воздухе, клочки бумаги плавно опустились на землю. Ещё некоторое время они виднелись позади – крохотные белые лоскутки на фоне темной каменной земли, а затем и они пропали.

НАДЕЖДА – ЭТО ЗАПЕРТАЯ ДВЕРЬ

Разрушение. Правильней было бы называть его *Выключением.*

Новый мир, в отличие от мира старого, традиционного, был знаком не с одной технологической катастрофой. Фактически он говорил на их языке. *Производство – загрязнение – уничтожение.* Бесконечный цикл рождения, недолгого существования и неминуемой смерти, сопровождавший смену эпох – от промышленной революции и изобретения первых механизмов до их повсеместного внедрения.

Кураторы и практики выглядели на этом фоне словно шаманы прошлого или несведущие врачи из тех далёких времён, когда больным предпочитали делать кровопускания, а умирающим давали столько ртути, что и после кончины чувствовалось, как тяжёлый ком перекачивается внутри тела. В мире дирижаблей, поездов и автомобилей никто не стал бы слушать мнимых мудрецов в капюшонах.

Разрушение все изменило. Технологии стали не просто бесполезными, они стали опасными. Никто и никогда не станет пользоваться механизмом, который может подвести в любой момент. Внезапно стали понятны несколько вещей: заворачивающиеся слишком сильно зависели от своих механизмов, гораздо сильнее, чем соседи от своих традиций, за которые держались веками. Теперь те, кого аскерронцы презрительно называли дикарями, оказались на одном с ними уровне.

Так что же отличало одних от других? Техническое превосходство? Знания?

В первые дни Разрушения стало понятно, что куда более невежественны именно те, кто достиг большего – число загадок перед ними было поистине неисчислимым. *Как? Что? Почему?* Обычные вопросы, на которых не было ответа. Как случилось так, что Разрушение стало возможным? Что произошло? Почему именно сейчас? И главный вопрос: что будет дальше?

Это были не единственные вопросы. Пожалуй, чаще других, особенно в первое время, звучал короткий: «Кто виноват»? К сожалению, такого же лаконичного ответа не находилось.

Как ни странно, кураторы были едва ли не единственными, кто оказался в выигрыше. Даже такая простая вещь как печатная книга внезапно стала большой редкостью. Теперь все знания, накопленные после Разрушения, могли быть утрачены. Хотя все ещё существовал способ фиксировать информацию (рукописи никто не отменял, чернила и перья по-прежнему были в избытке), не находилось надёжного способа эти знания распространять. И – главное – накапливать, как это было раньше – в виде тысяч пыльных томов, занимавших не один десяток полок.

Именно здесь пригодились умения кураторов. Вместо старых, отживших своё библиотек, они создали новые. В этих хранилищах нашли своё место не только сами *знания*, но и их *носители*. *Ибо, как сказали бы философы, творчество неотделимо от творца, создатель – от созидаемого.*

А что же механизмы?

Многие из них не заработали ни месяц, ни год спустя. Курсор рос и в итоге увеличился многократно, теперь сотни полок в нем занимали десятки тысяч ёмкостей с эссенцией памяти.

Для большинства это казалось чем-то вроде бессмертия. Заговорили о переселении душ и обмене разумом. Как будто можно переходить из одного тела в другое, а то и вовсе

воскреснуть из мёртвых.

На самом деле подобное невозможно было осуществить, а выпивший эссенцию человек лишь получал горсть чужих воспоминаний, которые неизбежно начинал путать с собственными. Исключение составляли Интерпретаторы.

Интерпретаторы были закрытой кастой. Сам Энсадум, относящийся к практикам, и не раз бывавший в стенах Курсора, никогда не видел живого Интерпретатора. Впрочем, рядовые практики были далеко не первыми в этой иерархии. Он и Распределителя видел всего один раз – и то, лишь случайно заглянув в щель для выдачи карточек.

Интерпретаторы ещё назывались Пожирателями информации; употребляя эссенцию, они примеряли на себя не только знания, но и личность умершего, и нередко могли говорить от его имени. Все знания, которые когда-либо имел умерший, переходили к ним.

Теперь существование Курсора, кураторов и практиков не было чем-то особенным, однако не случись Разрушения, все могло бы пойти по-другому. Энсадум часто задумывался, что произошло бы, если бы механизмы продолжали работать. Наверняка загрязнение вод протекало бы медленнее, но было бы так же неизменно. Почва на Пустошах погибла не в результате катастрофы, земли здесь стали непригодными задолго до Разрушения. Энсадум даже удивился, кому пришлось в голову строить здесь дом?

Он уже битый час трясся на спине тяжеловоза. Ему казалось, будто с момента отбытия минула целая вечность – и ровно столько отделяло его от того момента, когда он принял от Распределителя злополучную карту.

Кто знал, что за кровью того человека будут охотиться?

И хотя похитители не смогли бы ничего сделать без умения кураторов превращать кровь в эссенцию и без таланта Интерпретаторов превращать разрозненные воспоминания в цельную картину, все было явно не впустую. Скорее всего, целью было не дать крови оказаться в руках тех же Интерпретаторов – из-за того, что они могли бы увидеть в воспоминаниях умершего. Именно поэтому, чтобы завладеть ёмкостью, неизвестные спланировали и осуществили налёт, ведь её содержимое было чрезвычайно важным.

Энсадума могли убить. Наверняка один из налётчиков и собирался сделать это, в то время как второй почему-то проявил великодушие (жалость? Предусмотрительность? Или же – недальновидность?), и остановил руку убийцы.

Впрочем, горько усмехнулся Энсадум, у него все ещё оставался шанс наверстать упущенное.

За все время его поездки ландшафт вокруг мало изменился. Немного рассеялся туман, каменистая почва перемежалась островками невысоких гор. Эти горы были слишком правильной формы, чтобы считать их природным образованием. Скорее уж, насыпи сделали специально, уложив землю, песок и мелкие камни в подобие невысокого каньона, по «дну» которого и проходили рельсы.

Неоднократно Энсадум замечал по обе стороны от дороги брошенные металлические остовы, напоминающие скелеты насекомых. Однажды он увидел целый пассажирский вагон – с тем, что осталось от кресел, багажных полок, поручней. Гхуры невозмутимо двигались дальше, а Энсадуму почему-то стало казаться, что если он заглянет внутрь этого вагона, то непременно обнаружит там человеческие останки – горстку пожелтевших костей, старый чемодан, истлевшую шляпу, пальто или трость. Возможно, не подвернись ему так удачно караван с гхурами, кто-то, едущий много дней спустя, действительно обнаружил бы горку костей, только на этот раз это было бы то, что осталось от самого Энсадума.

Гхуры шли медленно, и в этом, пожалуй, было больше преимуществ. Энсадуму, который впервые передвигался подобным образом, эти существа казались на удивление сообразительными. Уже то, что их отправили одних, без возницы, говорило о многом. Это были смышлённые, хорошо обученные, хотя и упрямые звери. После того как Энсадум взобрался в качестве пассажира на тюки с товаром, идущие впереди тяжеловозы громко фыркали, пыхтели, трясли гривами и вообще всячески выражали своё недовольство. Впрочем, они были действительно умнее многих известных Энсадуму животных, поскольку поняв тщетность своих стараний, смирились.

Звери двигались, не сбавляя шага, не отклоняясь в сторону. Повозки мягко скользили по рельсам. Оно и неудивительно: колеса каждой из них некогда были частью настоящих вагонов.

Получалось что-то вроде живого поезда.

Рассматривая насыпи по обе стороны дороги, Энсадум заметил на вершине одной какой-то отблеск. Словно кто-то пытался поймать зеркалом солнечный луч, хотя никакого солнца и в помине не было. Возможно, просто свет отразился от металлической поверхности...

В следующее мгновение сразу несколько фигур возникли на возвышениях по обе стороны от каравана. Один или два удара сердца они находились на вершинах, а затем стали спускаться. Это напугало животных.

Сам Энсадум испугаться не успел. В детстве ему часто казалось, что он соображает медленнее, чем остальные сверстники. Наверняка это отразилось и на его умении быстро пугаться. Хорошо это или нет, Энсадум понятия не имел. Наверное, все же да, раз в первую очередь в голову приходит подсчитать противников, рассмотреть, какое у них оружие, а уж потом вопить от страха.

Нападавших было около десятка и все они были без оружия. Испугаться Энсадум не успел, зато рассмотреть нападавших, которые спускались с насыпей по обе стороны от каравана – сколько угодно.

Вначале ему показалось, что он вновь стал жертвой нападения тех же разбойников, что и накануне вечером. Однако присмотревшись, понял, что это не так. На этот раз нападавших было больше, и они отличались от всех, кого Энсадум повстречал за эти долгие и богатые событиями сутки.

Как ни странно, среди нападавших не было ни одного, кто мог бы сравниться ростом с Энсадумом. Более того, похоже, все они были малорослыми, почти карликами. Первое время Энсадуму показалось, что он видит перед собой ватагу детей. Вот детвора сбегает вниз по отлогим склонам насыпей, атаковав караван... Атаман что-то кричит остальным, а спустя мгновение все выхватывают из-за пояса мечи и размахивая ими точь-в-точь как настоящим оружием, несутся Энсадуму на встречу... Он и сам так играл не один раз, хотя мальчишек там, где он жил в детстве было немного и едва набралось бы на приличную ватагу разбойников.

Одеты все были в какие-то лохмотья, напоминающие сильно потрёпанные, порванные во многих местах накидки. Казалось, что одни и те же длинные лоскуты ткани просто обматывали вокруг тела, пока они не приобретали видимость одежды. У всех нападавших она была одинакового цвета – серо-коричневого, в цвет песка, и Энсадум подумал, что возможно, это было частью маскировки. Лица этих людей также были скрыты под кусками материи. Оставалось лишь небольшая прорезь для обзора – узкая тёмная щель, в которой

поблёскивали глаза. Неизвестно почему, но Энсадум решил, лица нападавших покрыты чем-то вроде краски – уже слишком тёмными они казались.

Нападавшие спускались с насыпей, оставляя за собой цепочки глубоких следов.

Несмотря на малый рост, на нелепые наряды и отсутствие у нападавших оружия, Энсадум ощутил укол страха. Тем временем один из карликов, первым добравшийся до повозок, потянулся к идущему впереди гхуру – и внезапно получил от него удар.

Копыто зверя угодило карлику в грудь с оглушительным хрустом. Удар отбросил несчастного на добрых три сажени.

В это время с противоположной стороны объявился второй нападавший. Его рука потянулась к верёвке, стягивающей несколько тюков, на которых расположился Энсадум. Недолго думая, практик ударил по этой руке. Гхуры продолжали идти, караван двигался вперёд, и второй нападавший остался позади.

Впереди ещё один карлик вскарабкался на тюки. Сделав это, он принялся танцевать, махать руками и подпрыгивать в радостном исступлении.

Ещё один карлик попытался взобраться по левую сторону от Энсадума, но сорвался и рухнул прямо под колёса повозки. Остальным нападавшим похоже, не было никакого дела до того, что случилось с их товарищами. В то время как танцующий карлик очевидно отвлекал своими телодвижениями внимание Энсадума, другие принялись за верёвки и узлы.

Только сейчас Энсадум понял, что целью нападавших был груз. Очевидно, подобные грабежи случались регулярно, и этот маршрут давно стал частью «охотничьих угодий» грабителей. Запрыгнув на повозку с тюками и захватив столько товара, сколько могло поместиться в руках, нападавшие спрыгивали с повозки и тут же исчезали за песчаной грядой. Все это напоминало начало атаки, пущенное в обратную сторону.

Разбойники ретировались даже быстрее, чем появились. Исчезла не только часть товара, но и цепочки следов, ведущих вниз – их накрыло стремительно оседающим песком. Исчезло также тело несчастного, которому не повезло угодить под колёса. Энсадум был уверен, что сам он уйти не мог, поэтому наверняка бездыханный труп забрали товарищи.

Всё прекратилось, но ещё некоторое время Энсадуму не давало покоя бешено стучащее сердце и дрожь в конечностях.

Жизнь в Завораше была устроена просто и вместе с тем эффективно. Сын наследовал род занятий отца так же, как другие наследуют вещи. Конечно, последнее касалось не всех, а лишь крестьян, ремесленников и мелких лавочников. Богатые сами выбирали занятие по душе, нисколько не задумываясь о том, как заработать на жизнь. Впоследствии Ноктавидант не раз задумывался об иллюзорности такого выбора. У богатых было так же мало альтернатив, как и у тех, кто родился в нищете. Или даже так: у них альтернатив было *ещё меньше*.

Первое, что запомнилось Ноктавиданту из самого раннего детства – это лес человеческих ног: затянутых в штаны, в бриджи, одетые в широкие шаровары всех возможных цветов и их оттенков; скрытые юбками – по щиколотку, по голень; голые ноги носильщиков и рабов; загорелые до черноты лодыжки рыбаков; покрытые ссадинами и коркой запёкшейся крови коленки других посыльных.

Со временем Ноктавидант обрёл парадоксальное, но, как казалось, важное качество: ему достаточно было посмотреть на ноги человека, чтобы понять, кто перед ним. Так можно было определить богатый человек или бедный, к какому сословию принадлежит и имеет ли лишние деньги на ежедневную чистку обуви. Например, он сумел бы отличить монаха от служки, ещё не принявшего постриг только по наличию грязи на сандалиях: всем неофитам полагалось принимать участие в ежедневной чистке принадлежащего церкви хлева. Или вот ещё: однажды он распознал в богато одетом купце самозванца. Выдало его то, как он ставил ногу: пусть даже обутый в сапоги, он делал это неуклюже, словно всю жизнь был вынужден ходить в грубой обуви простоянина. Кроме того, у Ноктавиданта была поразительная память на всё, что касалось одежды и обуви. Однажды он заметил человека в ярко-красном сабо. Днём тот прогуливался по рынку, изображая покупателя, в обед отдыхал в тени деревьев у рыночных складов вместе с другими рабочими, а по вечерам в одежде торговца сидел на открытой террасе местного постоянного двора и потягивал вино. Позже несколько складов ограбили. Воров поймали, и среди них оказался тот самый человек в сабо.

Однажды на глаза ему попала не совсем обычная пара ног.

Поначалу Ноктавиданту показалось, будто их обладатель поистине огромного роста, настоящий гигант. Его тень накрывала сразу несколько соседних прилавков. Ноги незнакомца до щиколоток скрывал свободный наряд наподобие хитона. Снизу ткань была оторочена красной лентой с узорами в виде переплетающихся линий: именно этот рисунок, а точнее блеск золотой нити, которой он был вышит, и привлёк внимание мальчика.

Незнакомец стоял посреди дороги, а толпа обтекала его с обеих сторон, как речная вода обтекает валун.

Наконец Нокта поднял взгляд.

Одежда незнакомца ниспадала многочисленными складками, аккуратно подогнанными и тщательно отутюженными. У горла они скреплялись застёжкой с перламутровым камнем. Мальчик попытался заглянуть незнакомцу в лицо, но как раз в этот момент солнце оказалось у того за плечами. Короткий ёжик его волос вспыхнул малиновым светом, а за спиной человека раскрылась пара огненных крыльев. Напуганный, Нокта развернулся и бросился бежать, но неким непостижимым образом рука незнакомца всё же дотянулась до него, взяла

за плечо и развернула одним мягким движением.

Перед ним был священник Храма Всевоплощённого. Не рядовой служитель, а именно священник – до этого Нокта видел их всего пару раз. Вот почему одежда незнакомца показалась ему странной и незнакомой: примархи Храма никогда не ходили на рынок и в прочие места сами, для этого у них имелась целая армия послушников, а набитые золотом сундуки, если верить сплетням, никогда не пустели.

Священник сказал: «Ты пойдёшь со мной», и, не дожидаясь ответа, зашагал дальше.

Позже выяснилось, что примарх уже договорился обо всём с человеком, у которого Нокта работал. И хотя формально мальчик тому не принадлежал, хитрый делец знал, что идти щенку все равно некуда. Так почему бы не «освободить» его от тяжёлой работы, попутно не выручив несколько монет (на самом деле торговец хотел, чтобы вдобавок к деньгам примарх сжёг для него несколько молельных свитков, но получил в ответ такой взгляд, что пожалел о своей просьбе).

Те немногочисленные пожитки, что Нокта мог считать своими, так и остались лежать в тёмном углу за корзинами. За свою короткую жизнь он не обзавёлся сколько-нибудь значимыми вещами, даже одежда – и та почти вся была на нем, за исключением нескольких лоскутов ткани, которыми мальчик обматывал ступни, когда боль от стёртых в кровь мозолей становилась нестерпимой.

Сейчас они очень бы емугодились. Священник уходил все дальше, и Нокта, решивший, что последовать за ним – не такая уж плохая идея, поспешил следом.

Вскоре мальчик нагнал уже знакомую фигуру у границ храмового квартала. Как он и предполагал, незнакомец направлялся к Храму Всевоплощённого.

За все это время священник ни разу не обернулся и не посмотрел, следует ли за ним мальчик. У самой границы квартала Нокта вновь остановился, чтобы полюбоваться на окружающие его здания.

К каждому вели украшенные цветами аллеи, в фонтанчиках журчала вода, в бассейнах плавали рыбки – алые, золотистые – с первого взгляда их трудно было заметить на фоне блеска устилавших дно водоёмов мелких монеток – медных, бронзовых.

Дующий с моря ветер уносил все прочие запахи, кроме аромата благовоний. Тонкие завитки дыма тянулись от многочисленных курильниц, сплетались, змеились друг за другом, смешиваясь и продолжали путешествие как некий третий, доселе неведомый аромат. Вот пахнет корицей, имбирём, гвоздикой, а мгновение спустя – сыростью, плесенью и тем, в чём позже Нокта опознает запах старых книг. Так могло пахнуть в склепе.

Внутри храм действительно напоминал гробницу. Шагнув за порог, Нокта оказался в мире переменчивых теней, шорохов и целой круговерти запахов: цветов, дерева, камня, сырости и невообразимой старости.

Священник дожидался его у входа. Стоял, заложив руки за спину, абсолютно неподвижный даже для лёгкого ветерка, колебавшего занавески неподалёку – на его голове он не потревожил ни волоса. В этот момент он казался похожим на одну из тех статуй, что изображали воинов и гигантов древности – достаточно было представить меч на его боку или закинутое на плечо копьё.

Однако не воображаемое оружие делало священника похожим на воина, вовсе нет. Это были глаза. Их взгляд буквально приковал Нокту к земле. Еще недавно он радовался царящей внутри прохладе, а сейчас ледяная стужа сковала все его тело, заморозила кости, сделала их хрупкими как стекло – тронь и разлетится на тысячу осколков, рассыплется в сверкающую

крупу прямо под кожей, словно стеклянная посуда в холщовом мешке.

Так оно и случилось. Едва Нокта попытался заговорить, священник поднял руку, а затем с размаху ударил его по лицу...

Голова болела как тогда.

Открыв глаза, Ноктавидант обнаружил, что лежит на полу в луже крови. Её было столько, что казалось, неподалёку растерзали и выпотрошили средних размеров животное. Судя по тому, как кровь успела остыть и свернуться, он провёл без сознания около получаса.

Поглядев в сторону ангела, клирик понял, почему крови было так много.

Тело ангела безвольно повисло на цепях. Крылатый был мёртв. Сосуды, до этого питавшие его плоть, оказались разбиты, идущие от них трубки вырваны и брошены на пол. Из некоторых продолжала вытекать жидкость.

После смерти плоть оракула приобрела странную белизну. Как если бы перед ним была искуснейшая из мраморных статуй. Ноктавидант протянул руку и коснулся ангела. В этот момент он понял, что никогда до этого не делал ничего подобного. Кожа у оракула была гладкой и холодной... Будто и в самом деле касаешься мрамора.

Обескровлен.

Некоторое количество крови ангела пролилось на пол, смешавшись с кровью самого Ноктавиданта, но большую часть убийца унёс с собой.

Клирик отдёргнул руку. Отступил, окидывая взглядом зал.

Нет, убийца не прятался в тених. Наверняка куратора уже и след простыл. Во всем огромном зале было лишь он один. Он и то, что осталось от ангела.

Ноктавидант не знал, насколько ангел мог претендовать на почести, оказываемые после смерти, но пока решил оставить всё как есть. Он оторвал от нижнего края своего одеяния лоскут ткани и приложил к голове. Рана все ещё кровоточила. По ощущениям череп был цел, а вот на рассечённую кожу придётся наложить швы.

Клирик направился к двери...

В то же самое время маленький Нокта шагнул в темноту.

Оглянулся – за спиной ничего. Лишь та же самая пустота и чернота, что и впереди.

Однако он по-прежнему чувствовал присутствие примарха за спиной, ощущал его дыхание, а ещё – то место пониже лопатки, куда подталкивая его навстречу мраку, ткнул костлявый палец.

«*Видишь?*», — прошипело из темноты.

Примарх был стар. Те несколько лет, что Нокта провёл в стенах храма, не прошли для священнослужителя даром.

«*Видишь?*», – повторил голос позади. Теперь он показался Нокте незнакомым, чужим. Словно из тела примарха вещал кто-то чужеродный.

«*Смотри внимательно и слушай*».

Но он ничего не видел. Ослепни он в этот момент – и даже не понял бы этого. Никогда до этого Нокта не встречал такой чернильной темноты. На это и похож Гастр, так ведь?

Вопрос едва не сорвался с его губ. Безвременье, где нет ничего – ни цвета, ни формы, ни материи. Один лишь запах.

Пахло кровью. Это был тот самый запах с железистым привкусом, который ассоциируется со смертью с тех самых пор, когда первый жертвенный нож в руках первого клирика пронзил плоть первой жертвы.

Нокта повертел головой.

«Ну и как тебе?»

Голос был другим. Он не принадлежал примарху. И он раздался не сзади, как Нокта ожидал. Нет, вместо этого он звучал сразу *отовсюду*. Словно Нокта был насекомым, посаженным на дно гигантской банки, в то время как некий мальчик приложил к её горлышку губы и произносил слова, слушая, как их звук отражается от стенок внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5a5>